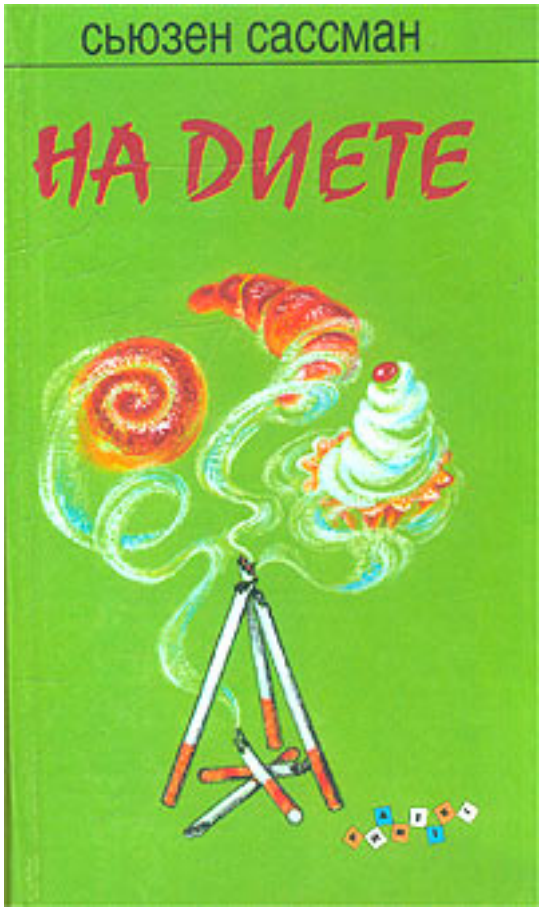
сьюзен сассман
НА ДИЕТЕ

Сьюзен Сассман
На диете

OCR Альдебаран & BiblioNet
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119920
На диете: Фантом Пресс, ЭКСМО; Москва; 2003
ISBN 5-699-02437-9

Аннотация

Хорошо быть худой и счастливой. И плохо быть толстой и несчастной. И уж совсем никуда не годится, когда ты из худой и счастливой вдруг превращаешься в толстую и несчастную. Сьюзен Сассман тонко, смешно и увлекательно описывает революцию, свершившуюся в одной, отдельно взятой женщине.

“На диете” – роман о женщинах, еде и любви.

У Барбары Аверс любящий муж и двое милых детей, она красива, стройна, у нее есть интересная работа – но счастлива ли она, или ее жизнь – сплошная ложь?

В память о любимой подруге Барбара поклялась бросить курить, и жизнь ее покатилась под откос, а вес, напротив, устремился вверх. Барбаре пришлось пройти через круг ада, который Данте почему-то забыл описать, – через диету. Есть ли на свете мука страшнее диеты и можно ли ее вытерпеть? Особенно если она сопровождается предательством близких и жутковатыми открытиями. Барбаре удалось все – не только побороть свою необъятность, но и начать новую жизнь на осколках прежней.

“На диете” – смешной и очень ободряющий рассказ о том, что диета способна сделать с вашим телом и с вашей душой.

Содержание

ФЕВРАЛЬ, 48кг 4
МАРТ. 52-59 кг 11
АПРЕЛЬ. 59 – 66 кг 31
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Сьюзен САССМАН
НА ДИЕТЕ

ФЕВРАЛЬ, 48кг

По утрам я всегда отчаянно мерзну, вот и сейчас пальцы-ледышки, не слушаясь, скользили по холодному металлу дверной ручки.

Палата 235, пациент Куинлин, Сара-Джейн. Сколько еще дней – или часов – провисит здесь эта табличка? Сигарету, срочно! Ладно, перебьешься. И восьми нет, такая рань! В больничном вестибюле я прождала лифта ровно шесть сигарет – высмолила до самого фильтра, и что толку? Даже привкуса не осталось, лишь бледная тень воспоминания.

Что ж, надо взять себя в руки – и вперед! Прочь отчаяние, ужас и боль. Только бы не раскиснуть, не растечься потоками бессильных слез. Я должна сдержаться. Должна изображать непрошибаемую оптимистку. Стоит только стереть с лица улыбку, и демоны тут же выберутся из черных углов, куда я каждый день из последних сил их загоняю.

Я открыла дверь. Темно. Запах смерти, казалось, пропитал тут все насквозь. Задержав дыхание, я осторожно проскользнула мимо кровати, где спала моя любимая подруга, к окну, чтобы впустить хоть тонкую струйку ледяного февральского воздуха.

За шторами была припрятана коробка с ароматическими палочками. Я пошарила в ней – осталось всего три. Идиотка, не догадалась захватить еще одну упаковку. Бог даст, может, успеется? Я пристроила благовоние на подоконнике. Спичка плясала в пальцах, верткое пламя нехотя лизнуло палочку. Занялся крохотный живучий огонек, сразу разгоревшийся назло промозглому сквозняку. Я жадно втянула дымок, напоенный мускусом.

За моей спиной прошелестел голос Сары-Джейн, вернее, эхо – все, что осталось от некогда веселого голоса:

– Хочешь... нас отсюда... выкурить?..

– Валяешься в постели, лежебока? – Я постаралась, чтобы слова мои прозвучали как можно бодрее.

– Ночь любви... Шевельнуться не могу...

Даже эти две фразы вымотали ее, и глаза подруги устало закрылись. Я подошла и нежно погладила ее пылающий лоб. Кожа да кости, живой скелет.

– Подцепила Роберта Рэдфорда?

Сара-Джейн слабо повела головой. Над висками шевельнулись невесомые прядки – ярко-рыжие, они горели на бескровной коже как отблески роскошных тугих кудрей, которыми она когда-то гордилась.

– Не угадала? Так кто этот счастливец? Дуглас? Иствуд? Арнольд-Жан-Клод Шварцен-дамм?

Дрогнув, приподнялись веки, запавшие глаза блеснули. Я узнала прежний взгляд, живой, искрящийся. Она все еще боролась. Слова прошуршали, точно палые сухие листья:

– Вуди Аллен.

– Ах ты, извращенка!

Моя рука сама потянулась к столику у изголовья кровати, нащупала мягкую детскую щетку для волос. Только не застыть скорбящей коровой, не ждать, когда боль стиснет сердце. Давай, Барбара, займись чем-нибудь, двигайся! Твои бесы не спят, они всегда наготове, а неподвижную цель поразить куда легче.

– Красота – это так скучно! – Томно тянутся гласные. Только манера говорить невидимой нитью связывала эту угасающую женщину с юной кудрявой южанкой из Луизианы, с которой я когда-то подружилась.

– Выходит, и я тебе наскучила? Вот спасибо, удружила. – Я осторожно провела щеткой по ее жидким рыжим перышкам.

– Не очень-то задирай нос, дорогуша, – еле слышно произнесла она. – Я ведь еще помню, как он эдаким крючком свисал у тебя до подбородка.

– Тогда уж договаривай. Сама знаешь, не блажь уложила меня под скальпель хирурга. – И я продемонстрировала себя в профиль с самой выигрышной стороны, постаравшись фыркнуть как можно надменнее. – Это была неотложная операция по исправлению искривленной носовой перегородки.

– Как ты длинно оправдываешься.

– Нос был еще длиннее.

Привычные шутки давних подруг... На губах Сары-Джейн появилось подобие прежней улыбки, и рана в моем сердце вновь принялась кровоточить.

– Ладно, убедила. Скажем так: мужская красота – вот что действительно скучно.

– Непременно настучу твоему мужу, – шутливо пригрозила я и запоздало прикусила язык.

– Сперва отлови его. – Во взгляде подруги мелькнула горечь. – Бедняга день-деньской в трудах, в бегах...

Она снова уронила веки, будто телефонную трубку повесила. Ваши три минуты истекли. Для продолжения разговора внесите еще... Что, что мне внести? Пожалуйста, еще минуту! Счастье, что она может отдышаться, но как же мучительно жаль времени, которое отнимает у нас ее усталость.

Я неслышно положила щетку на столик и приступила к ежеутреннему священнодействию. Если разложим все вещи Сары-Джейн точно так же, как вчера, то украдем для нее еще один день. Сначала возьмем кокетливые шлепанцы с отделкой из перьев марабу – очень милые, с изящными каблуками, – поставим их у кровати. Нет, не так, на два сантиметра дальше! Теперь свернем втрое – и обязательно вдоль! – атласный пеньюар от Диора и аккуратно разложим его в изножье кровати. Пусть со вчерашнего дня никто и не притронулся ни к тапочкам, ни к пеньюару, ритуал отменять нельзя.

Мой муж Фрэнклин говорит, что это мания. Я же предпочитаю называть это аккуратностью. Правда, когда Фрэнклин дома, я ухитряюсь подавлять свою страсть к уборке – уже сколько лет!

Сару-Джейн моя возня не раздражает – даже в те светлые дни, когда у нее хватает сил заметить ее. Выдвинув ящик столика, я пересмотрела его содержимое. Деньги на газеты не тронуты – Саре не удержать газету в руках. Крохотный плоский телевизор по-прежнему закрыт – ей слишком трудно смотреть на экран. Пачка “Кэмел” не распечатана. При мысли об одной-единственной глубокой затяжке желудок свело, словно в предсмертной судороге. Рефлекс почище, чем у собаки Павлова. Я прожила без сигареты добрых пятнадцать минут – иначе говоря, лет эдак с тысячу. Смогу протянуть еще немного? Ну разумеется. Хочу надеяться...

Под сигаретной пачкой оказались четыре газетные вырезки. Моя колонка “Спросите Барбару” – по статье на каждую неделю больничного заключения Сары-Джейн. Кроме нее, ни одна живая душа в этом мире не прочитывала мою писанину от первой до последней буквы, не считая, конечно, меня самой. Что ж, и один читатель – уже неплохо.

– По-моему, голубые ленточки сегодня в самый раз, – сказала я, раскрывая обувную коробку. Легкая картонка была набита всякой мишурой, которую я успела натаскать за минувший месяц. Подношения Раку Легких, Великому и Всемогущему, чтоб его! Надушен-

ные ленты для волос. *Господи, не отнимай у меня подругу!*Розовато-телесный тональный крем для серых щек. *Я тебя никогда ни о чем не просила!*Пригоршня забавных побрякушек, чтобы хоть немного развеселить ее. У *меня нет и никогда не было настоящей подруги, только она!*

Подмигнув Саре-Джейн, я перерыла всю коробку и выискала две узкие полоски желтого атласа.

– А кто тут рассуждал про день голубых ленточек? – удивилась она.

– Эти как раз голубые.

– Желтые...

– Боже, куда подевались твои глаза? Срочно лучшую бригаду хирургов-окулистов! – Я сунула мягкую атласную полоску ей под нос. – Нюхай!

Сара-Джейн *с*готовностью вдохнула.

– Точно! Голубые.

– Так-то. Не верь глазам своим, Сара-Джейн. Вся жизнь – одна сплошная иллюзия.

Вновь повисло молчание. Веки ее в сетке тончайших сосудов походили на прозрачные крылья мотылька. Передохнув, она заговорила, с трудом проталкивая слова через хрипы в легких:

– Говорят, есть такой народ... Умирающий меняется одеждой с кем-нибудь из здоровых. И вот... – она отдышалась, – приходит за ним Смерть, а узнать его не может. И что ты думаешь? Валит назад как миленькая.

Я задумалась.

– А почему Смерть не прихватывает другого хитреца, здорового?

– Ну как же? Он ведь не болен. Смерть извиняется за ошибочку да и сматывается.

– Сара-Джейн Куинлин, да ты просто мошенница. Я давно подозревала, что тебе нельзя доверять. Прикинулась бедной больной овечкой, а сама нацелилась на мою новую тряпку? Это же первый Унгаро в моем гардеробе! И ты надеешься выменять его на свой больничный халат?

Не отрывая головы от подушки, она повернула лицо к пузатой плюшевой медведице, подвешенной к кронштейну капельницы. Коллекционная зверушка по имени Амелия, в платьице и шарфике, дружелюбно пучила стеклянные глазки. Эдакий пушистый ангел, слетающий на землю за душами толстяков.

– Впервые за тридцать долгих лет я надеюсь втиснуться в костюм моей ближайшей подруги, – доверительно пожаловалась Сара-Джейн Амелии. – А она жмется. Какое жестокосердие, правда?

Амелия покачивалась, соглашаясь и сочувствуя.

Я взмолилась, нарочито ломая пальцы:

– Проси что хочешь. Мужа! Детей! Даже мою страшную тайну – рецепт куриного салата по-китайски! Выбирай, все отдам!

– Костюм.

– Это мне божья кара за то, что выложила за него такую кучу денег, не стала дожидаться скидки!

– Костюм.

– Свет не видывал подобной наглости!

Уголки ее губ дрогнули в улыбке. Блеснули безукоризненные зубы прежней Сары-Джейн.

– Подумать только! Я – и в *твоем*костюме... Причем вся целиком, а не одна лишь рука, нога или там шея! – Слова шелестели в ее горле, словно струящийся песок. – Что я всегда говорила? Что *жизнь*отдам за точеные скулы и один подбородок вместо трех... – Она бессильно закрыла глаза.

Черт, завтра же у нее будет мой костюм от Унгаро.

Сара-Джейн чуть слышно чмокнула. Я поспешно обмакнула пальцы в стакан с чистой водой и провела по ее губам, сухим и шершавым, будто старый пергамент. Рвоты сегодня не было. Значит, еще впереди. Устроившись на стуле возле самой кровати, я подсунула ладонь под хрупкую руку подруги и стала ждать неизвестно чего.

*** * ***

– Дети, внимание! В нашем классе две новые ученицы. Давайте познакомимся с ними! Барбара, Сара-Джейн, выйдите к доске.

С отрепетированной грацией выгибая спину, я встаю со стула и величаво несу себя к доске. Небрежная элегантность походки сделала бы честь любой бродвейской звезде. Четвертый класс в полном составе не отрывает от меня глаз, и под огнем взглядов я плавлюсь, словно в горячем свете софитов. В голове у меня бухает раскаленный молот, проносятся и взрываются косматые красные шары. Новый город, новая школа! Мой мир летит в тартарары, и не за что уцепиться. На мне донельзя тугие-с мылом не влезешь – джинсы, линялая папина ковбойка висит мешком. Уж мы покажем этим пентюхам со Среднего Запада, что такое настоящий нью-йоркский шик!

*Двумя рядами дальше другая новенькая упругим мячиком выкатывается из-за парты и мчится к доске. На пол с грохотом сыплются учебники и карандаши, но ей плевать. Бледная и рыхлая, бесформенная, как непропеченная булка. Дурацкое платье из голубого атласа*с *рукавами-фонариками едва не трещит по швам. Пояс вроде бы призван обхватывать талию, но никакой талии нет и в помине – и пояс ползет все выше и выше по круглому животу, увлекая за собой подол и выставляя на обозрение кружевную комбинацию. Огненно-рыжая грива, безжалостно завитая в бараньи кудельки, прямо на глазах обвисает и никнет на влажном весеннем сквозняке.*

Едва ли не впервые в жизни я радуюсь, что у меня нет матери. По крайней мере, никто не учинит со мной того, что сотворила со своим пузатым сокровищем мамаша этого жиртреста. С независимым видом я незаметно отодвигаюсь подальше. Не хватало еще, чтобы меня сочли подружкой этой бегемотихи в голубом.

– Барбара Марлоу приехала из Нью-Йорка. – И училка оглашает содержание моей анкеты.

Я становлюсь в непринужденную позу и изображаю высшее существо, изволившее снизойти до простых смертных.

– Барбара пишет рассказы, обожает спорт, шопинг и авангардное кино. Ее любимое хобби – медитировать с хиппи в Центральном парке.

Я победно улыбаюсь. Ни одной улыбки в ответ! Внутри у меня все сжимается, щеки горят, как от пощечины. "Медитировать с хиппи..." Когда я заполняла в Нью-Йорке треклятую анкету, это звучало так остроумно, так лихо! Но в Пеории, в этом затхлом городишке, тонкая шутка оказалась просто пустым звуком.

– А Сара-Джейн Клеменс родилась и выросла в Новом Орлеане. Там она...

Эй-эй, стойте! Я возмущенно вскидываю голову. А про моего отца? Куда делся тот раздел анкеты, где я написала про отца – нового главного редактора вашей убогой, вашей ничтожной газетенки? Иначе ведь никто не узнает, кто я такая!

После уроков обнаружилось, что мы с Сарой-Джейн соседки – живем совсем рядом, на одной улице. Выясню, во сколько она выходит в школу, и буду выскакивать из дому минут на десять, а то и на пятнадцать раньше – только бы не шагать всю дорогу бок о бок с этой...

*– З*дорово ты про Центральный парк. – Бегемотиха смущенно улыбается. – Вот бы мне хоть разок написать что-нибудь особенное.

Ладно уж. Пожалуй, недельку можно и с ней походить. Пока пригляжусь к местным и прикину, с кем завязать дружбу.

В первую же неделю мы с Сарой-Джейн прикипели друг к другу, как сиамские близнецы. Бродили по городу, цепляли мальчишек. В четырнадцать выкурили первую сигарету – одну на двоих. Потом, уже в колледже, объявили, что ни сигареты, ни секс не стоят того, чтоб отдавать им время и силы. Правда, оказалось, что по крайней мере первое – если уж не второе – вызывает неодолимое привыкание.

Когда нам стукнуло по двадцать два, мы разом выскочили замуж. Обосновались в северном пригороде Чикаго, в шикарном местечке, где частные владения выходят прямо к озеру Мичиган. Наши дома разделяло всего два квартала. Мы виделись с Сарой-Джейн каждый день – трепались и курили, раза три в неделю, не реже, выбирались посидеть в кафе и дважды в год отправлялись на калифорнийские курорты пропустить стаканчик-другой лечебной минералки.

Годы шли и шли. Я научилась прощать Саре-Джейн ее южную уступчивость, а она мне – заносчивость уроженки Восточного побережья. Два абсолютно разных человека постепенно срослись в одно существо, в котором исчезало несходство характеров двух непохожих женщин. Памятный день, когда я так оскандалилась с анкетой, оказался чем-то вроде начала новой эры. С той поры мы были неразлучны.

* * *

Сара-Джейн застонала. Ее рука покоилась в моей, исхудавшие пальцы казались не толще лапок богомола. Теперь ей стали велики все ее любимые перстни, и эта голая, словно обворованная, рука состояла из одних только усталых вен, выпирающих костяшек и подсохших отметин от уколов на желтой коже. Она ласково тронула мою ладонь кончиками пальцев.

– Ты еще здесь?

В полночь позвонил Стэнфорд, муж Сары-Джейн.

Звонок застал меня в гардеробной. Давясь слезами, я бестолково рылась в вещах. Куда запропастился фирменный пакет от костюма Унгаро? Я ведь поклялась отдать наряд подруге, и подарок должен предстать во всем блеске.

Через тонкую перегородку доносились приглушенные взрывы хохота – популярный комик резвился во всенародно любимом телешоу “Шутки придурков”. На этом фоне отчетливо выделялось блаженное похрапывание Фрэнклина. Я устроила супругу такой сеанс, что он теперь до утра не очнется. Секс высшей пробы – какой обычно приберегается для дня рождения, годовщины свадьбы и прочих знаменательных событий.

Пусть мой герой спит. Ему лучше и не знать, как я собираюсь распорядиться шелковым костюмом по цене небольшого подержанного танка. Он никак не успокоится и норовит оповестить всех, какую сумму отвалил за дамскую тряпку.

“Ну, в этом месяце мы живем! Я уже оплатил ренту виллы Унгаро!”

Ха-ха, как смешно.

“Будем рады поужинать с вами. Как насчет “Макдоналдса”? Моя жена как раз прикупила новый наряд от Унгаро”.

Обхохочешься.

– Барбара? – Гнусавое блеяние Стэнфорда в телефонной трубке звучало как всегда мерзко. – Только что звонили из больницы.

Судорожный вдох, медленный выдох. Скверный ты актер, Стэнфорд! Особенно в роли сраженного горем стоика.

– Сара-Джейн... Мы потеряли ее.

– Где? – оглушенно отозвалась я. – Что-что?

– Ничего.

Расслабься, всего лишь шутка. В отличие от тебя, мне сейчас слишком больно, чтобы плакать. И впервые некому подхватить мою шутку. В глаза бросилось развороченное нутро гардероба. Все, конец, я опоздала. Саре-Джейн больше не нужен мой костюм. Я включила свет, с кровати донеслось раздраженное бормотание. Прости, Фрэнклин. Спи дальше.

– Чем могу помочь? – простонала я в телефон.

– Значит, так. Во-первых...

Бьюсь об заклад, у подонка был список – аккуратненький, отпечатанный буковка к буковке. Все в алфавитном порядке. Я строчила и строчила под бодрую диктовку, яростно царапая пером бумагу. Кончик его погнулся, размазывая потеки чернил среди корявых, неразборчивых каракулей.

Ночь. Я растянулась в кресле посреди гостиной, тупо глядя в огромное, во всю стену, арочное окно. Большая бутылка виски в одной руке, неизменная сигарета в другой. Зазубренный горный кряж над озером Мичиган вздымался костлявым хребтом рухнувшего на колени мученика. Само озеро вдоль берегов подернулось льдом, но дальше темнела вода и стальной отблеск луны скользил по гребням холодных, неутомимых волн, мерно лизавших серые льдины.

Как я мечтала, чтобы они замерли. Хотя бы на миг. Чтобы подали мне знак. Что-то вроде “Здесь была Сара-Джейн” – крохотный знак того, что она не исчезла бесследно. Волны все катились.

Стойте, сволочи! Но волны с равнодушным упрямством догоняли и догоняли одна другую.

Смерть с кровью вырвала Сару-Джейн из моей жизни. Я потеряла не просто подругу – я утратила часть себя самой. Но Сара-Джейн ведь прошла через этот мир, через мою судьбу – и должна оставить свой след. Я выбила из пачки очередную сигарету, машинально потянулась за увесистой позолоченной зажигалкой.

Наша дружба – это и была настоящая жизнь, деятельная и безоглядная. Таким же должен стать мой последний долг памяти Саре-Джейн. У меня затряслись руки. Я защелкала зажигалкой, искорка мелькала безо всякого толка. Черт, не горит!

Давай, давай, железяка! Курить хотелось по-черному, я едва не изгрызла фильтр. Да зажигайся же ты. Дерьмо! Щелк. Щелк. Ш-ш-ш... Наконец-то сине-красное дрожащее пламя. Поднеся зажигалку к сигарете, я вдруг поняла, что мне нужно сделать. И в тот же миг возненавидела эту мысль, но пути назад не было. Решено. Это будет мой реквием по Саре-Джейн.

Яростно отшвырнув зажигалку, я искрошила в пальцах так и не зажженную сигарету, а ее сестер утопила прямо в пачке, щедро плеснув туда виски. Так же обошлась с пепельницей, переполненной мятыми окурками. Руки тряслись, лужица виски растеклась по столу.

Разобравшись с сигаретами в гостиной, я перебралась в кухню и, заливаясь слезами, опустошила свои закрома – выгребла два блока из шкафа и початую пачку из-под груды ножей и вилок в ящике стола.

Вторая дверь из кухни вела во двор. Порыв ледяного ветра попытался загнать меня обратно, но я стиснула зубы и ринулась в ночь. Дальше путь преградил каток, который я залила для деток. Враскоряку, точно утка, я пересекла препятствие, одолела невысокий сугроб и заскользила по обледенелому пологому берегу вниз, к кромке воды.

Домашние шлепанцы совершенно не годились для прогулок по ледяным торосам. Ночная рубашка – и того меньше. Ледяной воздух жадно хватал за ноги, пробирал до костей. На груди у меня пригрелись шелковистые на ощупь сигаретные пачки. И не мечтай повернуть

назад, Барбара! Даже не оглядывайся! Назад ходу нет. Нога заскользила куда-то в сторону, я упала, но тут же с усилием поднялась и побрела дальше – туда, где плескалась черная вода.

Хороша же я была, когда добралась до цели. Ступни превратились в пару ледяных чушек, колени дрожали и кровоточили, пальцы не сгибались. Я размахнулась и с тоскливым воем швырнула в озеро сигаретный блок.

Упокойся с миром, Сара-Джейн Куинлин!

Сиплое эхо истаяло сразу, как волной слизало. Коробка упала на воду и закачалась ярким поплавком. *Как же ты могла, родная? Как же я теперь без тебя?*Второй блок зацепил кромку льда, подпрыгнул и присоединился к первому. Волна ударилась о лед и отступила, подхватывая коробки, – они чуть отдалились от берега. Початую пачку я разодрала, растерла сигареты в ладонях и медленно высыпала по ветру горсть табачных крошек.

Пепел к пеплу.

Я всхлипывала, выбивая зубами дробь, мокрые от слез ресницы смерзались на ветру.

Прах к праху.

Скомканные остатки картона полетели в воду.

Сара-Джейн Куинлин, моя дорогая изменница, предаю твою нежную южную душу морю.

Меня так трясло, что ноги не слушались. И не только от холода – скорее от ужаса и отчаяния. Всю сознательную жизнь меня сопровождали две верные подруги – Сара-Джейн и пачка сигарет. Единственные подруги! И в одну дьявольскую ночь я разом лишилась обеих. Как встречу я завтрашний день одна, без них?

Сигаретные коробки гипнотизировали меня, покачиваясь на волнах. Не так уж далеко от кромки льда. Блоки запаяны в целлофан, пачки внутри наверняка еще сухие! Если распластаться по льду, подползти к самому краю и тянуть, тянуть руку изо всех сил... Я как сомнамбула двинулась к воде. Шаг, другой...

И все же я оторвала жадный взгляд от проклятых коробок, заставила себя повернуться к ним спиной и заковылять к дому.

МАРТ. 52-59 кг

– Уже вернулась? Так быстро?

Мокрый после душа Фрэнклин драпировал бедра полотенцем перед зеркальной стеной. Я втянула ноздрями влажный пар. Точно склонилась над кастрюлькой овсянки! Патока, жирное молоко, темные крапинки изюма в каждой ложке... Не буду думать о еде! Ни слова, ни мысли о еде. Одежда выстудилась на улице, от нее веяло свежим мартовским утром. Лед... Кубики льда в высоком стакане с шипящей пепси... Золотистая хрустящая корочка горячего пирожка с тягучей вишневой начинкой... Я поспешно сдернула перчатки и шапку. От греха подальше!

Фрэнклин, вооружившись феном, сосредоточенно очищал от пара зеркало над раковиной. Получался ровный круг – такой правильный, просто загляденье. И в нем, как в нимбе, предстало его лицо. Породистое, волевое, красивое настоящей мужской красотой. Я шагнула к нему, ласково обвила руками атлетический торс. Мой герой дернулся.

– Эй, осторожней! Ты вся потная и руки ледяные.

– И вовсе нет.

Какое там вся потная, я даже не запыхалась. Боже, мне бы только уткнуться лицом в эту надежную спину! Я сорвала с себя семь слоев утепленного трикотажа – все эти бесконечные толстовки и футболки, носки, фирменные легинсы с эластаном, хлопчатобумажный спортивный лифчик – и наконец прильнула к спине мужа, послушно следуя каждому изгибу его тела.

– Ну же, Барбара! – Фрэнклин методично втирал в волосы мусс для укладки.

– Дети уже в школе. – Я пощекотала губами его шею.

– Дела, родная, дела! Завтрак с консультантами. Предвыборная стратегия, все такое...

Фрэнклин занялся волосами, бережно расчесывая каждую прядь. Пересаженные с затылка волосяные мешочки за год превратились в холеную белокурую шевелюру. Я восточной гурией заскользила вниз по его спине, пересчитывая губами позвонки, распеленывая бедра из полотенца.

– Бавбава!

Он уже чистил зубы. Прополоскал рот, сплюнул. Эликсир для десен, самая лучшая шелковая нить для зубов, отбеливающая паста, освежитель дыхания. Да, мой муж с почтением относится к своей ротовой полости. А вот я нет, запросто могу пройтись языком по его пояснице, пахнущей туалетным мылом. Пока я обхаживала тыл, руки мои жили собственной жизнью на фасаде – поглаживали, ласково теребили. Толку! Ладно, Фрэнклин не виноват. Он и в лучшие годы не был ранней пташкой.

Отвернувшись наконец от зеркала, Фрэнклин подхватил меня под локти, поставил на ноги и потрепал по щеке:

– И не думай.

Соблазнил и бросил, вот как это называется. Ну ладно, просто бросил – соблазняла я.

Утренний туалет Фрэнклина вступал в заключительную фазу – бритья и дезодорации. Я пристроилась на краю необъятной ванны и повернула крылья позолоченного лебедя, служившего краном в этом храме Идеального Тела. Распахнутый птичий клюв принялся изрыгать воду. Одна щека Фрэнклина уже скрылась под мыльной пеной. Ну, Барбара, включай секундомер – теперь в твоем распоряжении полных две минуты его безраздельного внимания.

– Бросаю я эти променады по утрам, – обронила я равнодушным тоном.

– Что так?

– Ничего. Скучно.

– А может, просто идешь на попятный?

Он сорвал оранжевую пластиковую крышечку с дешевой одноразовой бритвы. Шикарный бритвенный станок от Тиффани – серебро, самая высокая проба – скучает без дела на верхней полке в шкафу, бережно упакованный в полиэтилен, – не дай бог, потемнеет от сырости! Фрэнклин четко различает вещи “на особый случай” и рядовые, которыми пользуется в обыденной жизни.

Впрочем, это у него наследственное. Где тот чудесный кашемировый джемпер с бисером, что я преподнесла его мамаше в честь первой годовщины нашей свадьбы? Полеживает себе в пакете, и тоже на верхней полке, – только уже в ее шкафу. За семнадцать лет моей семейной жизни свекровь надела его ровно семнадцать раз.

Происходит это знаменательное событие в день ее рождения, когда она подает нам первосортную телятину. “О, дорогая, специально заказывала у знакомого мясника, да не забудь полить кисло-сладким яблочным соусом! Видишь, как замечательно пропекся картофель? А вот фирменные рулеты по-фермерски, тут вся суть в укропном маринаде, сама его готовлю, чудо, а не маринад, – секретное оружие бабули Аверс. И отведайте двухслойный творожный пирог с шоколадом... Черт бы вас побрал, я весь день провертелась у плиты, а вы ковыряетесь в тарелках, словно пара пташек, и так каждый год, ну что за праздник!”

– Да какой там попятный! – отмахнулась я от замечания целеустремленного супруга. – Просто без Сары-Джейн совсем не то.

Фрэнклин промычал что-то сочувственное, сведя брови скорбным домиком. Битва с последним упрямым волоском на шее целиком поглощала его.

– Помнишь, Сара-Джейн засекла домушников? – снова заговорила я. – Ну, те седенькие голубки, присматривавшие очередное дельце под прикрытием утренней прогулки? Так вот, они встретились мне сегодня.

Я бессознательно перебирала пальцами под струей обжигающе горячей воды. Почти кипяток, недолго и обвариться, но эта внешняя боль заглушала ту, что занозой торчала у меня в сердце. – И знаешь, когда рядом нет Сары-Джейн, это самые обыкновенные старики. Просто выбрались подышать свежим воздухом.

Фрэнклин снова выразил сострадание – на сей раз одной левой бровью.

Я напустила полную ванную пара, будто его было мало. От влаги мои волосы закурчавились с утроенной силой, – казалось, я слышу, как они поскрипывают, сворачиваясь в спирали. Недобритое лицо мужа потонуло в запотевшем зеркале. Фрэнклин сердито включил вытяжку и обогреватель. Судя по мрачному взгляду, призраки грядущих счетов за электричество уже начали разнузданную пляску в его воображении.

Я распласталась на пушистом белом ковре и придирчиво вгляделась в свое отражение в зеркальном потолке – благо пар быстро рассеивался. Лишние четыре с половиной килограмма равномерно и незаметно распределились по всему телу. Это не мешало мне каждое утро впадать в истерику, стоя на весах и бессильно наблюдая за стрелкой. Эта тварь упорно склонялась все дальше вправо – деление за делением.

Никогда прежде не позволяла я себе набирать больше одного килограмма, разве что во время беременности. И едва появлялся незваный сорок девятый килограмм, тут же лишала себя бокала вина за ужином, а то и самого ужина, ограничиваясь только бокалом. И так до тех пор, пока вес не возвращался в норму. Надо что-то придумать, и срочно, пока Фрэнклин не заметил. Он питает прямо-таки неодолимое презрение к толстухам вроде родной мамаши и сестричек. А моя дружба с Сарой-Джейн так и осталась для него непостижимой тайной.

Я закинула руки за голову и сладострастно выгнулась. Воплощение соблазна. Кадр из дорогой, мастеровитой порнухи: роскошное тело в роскошной обстановке. Я покосилась на Фрэнклина – тот методично скреб лезвием правую щеку. О да, а над телом грозно высится детина в черной маске и кожаных гетрах на волосатых ногах, и режиссер орет: “Камера,

мотор!” Я со вздохом скрестила руки на своей невостребованной груди, согнула ноги в коленях и приступила к обязательной программе – пятьдесят подъемов тела из положения лежа.

– Знаешь, что теперь самое плохое? Без Сары-Джейн.... я трачу в два раза... больше времени... уф!., а прохожу... в два раза меньше...

– Не брякайся сразу на спину! Медленнее. Нагружай пресс! – потребовал Фрэнклин, выключая воду. Мол, незачем лить ее попусту, пока жена не покончила с гимнастикой.

Я послушно снизила темп.

– Сегодня срезала путь. Пересекала улицы по диагонали... прямо через газоны.

– Какой смысл? – удивился муж, скобля уже левую щеку. – Ты же бегаешь ради здоровья. Не отдых и не развлечение.

– Но рядом больше нет Сары-Джейн... чтобы напомнить об этом.

Плеснув на ладонь лосьона, Фрэнклин бережно и любовно похлопывал по свежевыбритым щекам.

– Ну так позови кого-нибудь за компанию.

– Зову. Тебя.

– Барби, ты же знаешь, у меня нет времени.

Ну да, нет, не было и не будет. Фрэнклин обследовал ушную раковину кончиком мизинца, устраняя последние хлопья мыльной пены.

– Дело Фицпатрика уже в суде. А тут еще выборы. Хорошо, если вместо ланча успеваю на часок в тренажерный зал покачать пресс. Кстати, на Шеридан-роуд каждое утро встречаю наших соседок. Чем они тебя не устраивают? Вот хотя бы Лидия Коллинз – как раз выгуливает по утрам собаку.

– Собаку... Да иная лошадь будет поменьше этого добермана... – Я выбилась из сил, полсотни раз подряд оторвав от пола без малого пять лишних кило. Живот ныл от тупой боли. – И потом, я не желаю появляться на людях в компании маньячки. Она скупила и напялила на себя всю черную кожу в городе. Знаешь, Сара-Джейн высказывала весьма интригующие догадки, отчего это Лидия так привязана к своему доберману.

– У твоей Сары-Джейн вообще не переводились интригующие догадки.

Даже после смерти моей подруги он питал к ней прежнюю неприязнь. Зато хоть не лицемерил. Фрэнклин втянул несуществующий живот, поиграл мышцами и принялся поворачиваться перед зеркалом, осматривая свой безукоризненный торс со всех сторон. Он был прекрасен, как эллинский атлет.

– Ладно, а как насчет Риты Франц?

– Эта несется на всех парах. Тоже мне ходьба – выдает по километру каждые три минуты. Наверняка ее грызут комплексы. Но я-то не готовлюсь к Олимпиаде!

Супруг вперил в меня просто убийственный взгляд – кулаки уперты в стройные бедра, фамильное сокровище болтается промеж ног. Нет, не дотянуться.

– А Бетси Голлуб?

– Че-е-е-е-е-репаха!

Я по-прежнему сидела на ковре, широко раскинув ноги. Фрэнклин опустился на колени между них.

– Барбара, я понимаю, как тяжело тебе без Сары-Джейн. – У меня в горле, откуда ни возьмись, набух какой-то комок. – Но разве можно ставить крест на собственной жизни? Да твоя Сара-Джейн меньше всего желала бы такой жертвы. Не бросай ходьбу.

Он опустил ладонь мне на бедро, погладил, но возбудиться я не успела – пальцы Фрэнклина защипнули два сантиметра моего жирка.

– Это ведь твое единственное упражнение!

Я обхватила его шею, рывком опрокинула на себя:

– Ну почему же *единственное!*

Покусывая мочку уха, наелась его лосьона после бритья, но такая мелочь уже не могла меня остановить.

– Барби...

– М-м-м-м?..

– Я не...

– Это недолго.

Так и вышло.

После я отмокала в ванне и пыталась спланировать день. Но безуспешно. Требовалась сигарета! Выпростав ногу из мыльной пены, я пихнула носком левое крыло клювастого ублюдка и сунула стопу под струю кипятка. Открытие дня – боль отвлекает. Запрокинула голову и уперлась в собственное отражение в зеркальном потолке. Отдельные части тела островками выпирали над водой.

Как-то давным-давно, за ужином – идеально сбалансированные блюда, ни капли лишнего жира, – едва сделав мне предложение, Фрэнклин извлек из бумажника истертую журнальную страничку.

– Когда растешь старшим из десяти детей в тесной квартирке с крохотной ванной, позволительно иметь золотую мечту.

Пока он с трепетом разворачивал ветхий листок, я гадала, что же мне грозит. Роскошный дом? Шикарная тачка? Экзотический пляж в медовый месяц? Нет, во весь журнальный разворот передо мной предстала ванная комната Луи Армстронга! Растянутая в широчайшей улыбке физиономия великого трубача множилась в сотнях зеркальных полосок, покрывавших буквально все. В ванной размером с порядочную залу не нашлось бы и сантиметра, свободного от зеркал. Итак, приняв руку и сердце Фрэнклина, я неизбежно получала в нагрузку султанский сортир.

Ладно, не беда. Кто только за мной не ухаживал. Парни, помешанные на дорогих гоночных авто, на слюнявых охотничьих псинах, на всяком экзотическом барахле или каких-то замшелых операх. На своих деспотичных мамашах. На пляжном баскетболе, винных погребах и охоте на лис. На экстремальных киношках и бейсболе. На клубном бридже. На бодибилдинге, на яхтах, стендовой стрельбе, групповых медитациях и фугах Баха.

Бывали у меня поклонники и посимпатичнее Фрэнклина, и позабавнее. И побогаче. И поучастливей. Но у него в избытке имелось нечто такое, с чем я сталкивалась прежде крайне редко, – власть. От Фрэнклина буквально веяло властью, с мощью приливной океанской волны сметающей все и вся на его пути. Он был из породы энергичных и пробивных, из сильных мира сего. А я находила власть чертовски сексуальной. И если Фрэнклин Аверс поставляется только в комплекте с зеркальной ванной – что ж, плевать. Я ободряюще похлопала жениха по колену, ответила “да” и заказала фургон зеркал.

С мягким шелестом отъехала в сторону дверь. Фрэнклин вернулся уже почти одетый, благоухающий парфюмом от Джанфранко Ферре. Предстояла традиционная утренняя оперативка.

– Чем был плох одеколон “Олд спайс”? – вздохнула я.

– Слишком уж старомодный.

– Но не для меня.

Фрэнклин пожал плечами:

– Но ведь не ты же мой имиджмейкер.

Он сунул мне блокнот с карандашом и разложил на краю раковины свои заметки. Многие годы именно с этого начинался каждый мой день. Как и с сигареты. Черт! Я зло ткнула карандаш в бумагу, подавляя мольбу о никотине.

– Мой новый костюм подгоняют по фигуре, сегодня должно быть готово. – Фрэнклин опять стоял перед зеркалом, примеряя шелковый галстук. – На кровати две рубашки. Отдай

в прачечную, пусть перестирают как следует. На полосатой остались пятна, а на голубой прямо на груди какая-то складка.

Он тараторил как пулемет, двигаясь по списку и деловито помечая отработанные вопросы четкими галочками.

– Так, заказы на июнь, июль и август. Самолет на Спрингфилд в оба конца, номера люкс. Вот список дат и отелей.

– В июле и августе дети будут в лагере, – как бы между прочим заметила я. – Почему бы и мне не поехать с тобой в Спрингфилд?

– Ты хоть представляешь, что такое собирать деньги на избирательную кампанию? Безумие. Я целыми днями буду метаться по митингам и переговорам. Тебе там просто нечего делать. Да ты рехнешься от скуки! И меня с ума сведешь.

Я погрызла карандаш *(курить!)*и жадно сглотнула.

– Так ты едешь один?

– Нет, разумеется! – Фрэнклин раздраженно дернул узел и сорвал галстук. – Со мной будет вся команда – консультанты, специалисты по имиджу. Займутся съемками для телерекламы.

Я уже вовсю сосала карандаш. Никакого кайфа!

– Что, если в отелях потребуют задаток? Отнести на твой счет или, может быть, лучше...

– Все там. – Ни на миг не отрываясь от галстука, он дернул подбородком в направлении раковины. На краю белели три банковских чека. – Вот, возьми. Откроешь счет на имя “Аверс для сенатора”. В банке “Горный”. На чеках пускай отпечатают адрес и телефон моей штаб-квартиры. Проследи.

– К чему такие сложности? – удивилась я. – Федеральный банк удобней и ближе.

– Они там что-то намудрили с новой компьютерной системой. Полная хрень! Ни одного счета не могут открыть без ошибки. Еще перепутают мои личные счета с деньгами на избирательную кампанию, а потом какой-нибудь засранец обвинит меня в финансовых махинациях. Хороший скандал поможет мне стать сенатором, ничего не скажешь!

Я цепким взглядом охватила записи. Ну, вроде ничего важного не упустила. Страничку густо покрывали петельки и закорючки – аукалась моя трудовая молодость, годы работы в газете “Глоб”. Мой отец вбил мне тогда в голову, что “только халявщики полагаются на диктофоны, у которых в самый критический момент садятся батарейки, или на ленивых дур из стенографического бюро”. А отец не имел обыкновения брать на работу халявщиков – даже если речь шла о родной дочери. Так что все студенческие каникулы я разрывалась между практикой в газете и курсами скорописи.

Фрэнклин завязал наконец галстук и любовно расправил воротничок антрацитовой рубашки. Словно и не проходил семнадцать лет в светлых сорочках и темных строгих галстуках – все перевернулось с ног на голову по мановению руки какого-то шустрого имидж-мейкера.

– Вроде все.

Я протянула ему блокнот вместе с обкусанным карандашом, и орудия моего труда присоединились к трем чекам на раковине. А что касается мужа... Что ж, он хоть и был пока рядом, но мысли его уже явно витали где-то совсем далеко.

– Фрэнклин! Не забудь! Рикки сегодня выступает на школьном вечере.

Он содрогнулся:

– Сегодня?

– В восемь часов.

– Проклятье! Ладно, подъеду прямо в школу. Деловой ужин с Сэмом Розенталем и всей командой. Давно пора рассмотреть эскизы плакатов и листовок.

– Билеты на туалетном столике. Возьми свой прямо сейчас.

Чтобы мы с Фрэнклином вместе прибыли на какое-нибудь торжество, такого не припомню. Впрочем, сама виновата – незачем было выходить замуж за будущего сенатора, да к тому же трудоголика. Как говаривала Сара-Джейн, все мы выходим замуж за своих отцов. И как только мне не пришло в голову, что моего отца никогда не было дома?

Фрэнклин отбыл на службу, оставив меня один на один с мучительным желанием закурить. Меня мутило, буквально сводило внутренности. Пальцы судорожно вцепились в край ванны. Нет, я не сделала ни одной затяжки – ни единой с той ночи, когда умерла Сара-Джейн. И ни одной секунды с тех пор не прошло без тоски по куреву. Не сказать чтобы я так уж наслаждалась жизнью.

До кухни я добралась позже обычного. Идеальный порядок и тишина. Наша помощница София успела накормить детей, спровадить их в школу и отправиться по магазинам. Ну что, уже размечталась о зефире в шоколаде? Нет, теперь с такими завтраками покончено. Похоже, зефир и шоколад полнят куда больше, чем шесть сигарет и полбанки черного кофе на чашку кипятка. Если я задалась целью загнать свои телеса в разумные рамки, придется приналечь на овощные салаты и отруби.

Легким взмахом я прошлась крохотным кусочком маргарина по тефлоновой сковороде, крупно покрошила в нее зеленый сладкий перец и луковку и включила кофеварку. Кухня заблагоухала свежим кофе и поджаривающимся луком. Я глотала слюну, как голодная дворняжка. Пришлось сунуть в рот корочку хлеба, чтобы не захлебнуться. Едва зазолотился лук, я разбила пару яиц, построгала острого чеддера, и тут зазвонил телефон.

– Миссис Аверс? – Робкий и какой-то тусклый голос. – Это Джордж Пэйн.

Слова в трубке вязли, как мухи в клею. Сковорода угрожающе задымилась. Я дотянула телефонный провод до самой плиты и погасила конфорку.

– Слушаю вас.

– Очень неловко беспокоить вас дома...

Так, теперь передвинуть сковороду на соседнюю холодную конфорку, отщипнуть от булки еще чуть-чуть и приподнять лопаточкой глазунью, а то пригорит.

– ... Но никак не удается застать мистера Аверса в его конторе.

Джордж Пэйн. Что-то такое припоминается... А, ну да! “Старый Пэйн, очкастый дятел” – так прозвал его Фрэнклин. Его жена медленно умирает от отравления: двадцать лет вдыхала какую-то дрянь на заводском конвейере. А владельцы фирмы, похоже, были в курсе, что травят работников, но как-то позабыли уведомить их об этом при найме. Фрэнклин защищал интересы несчастной в суде.

– Да-да, мист... – я едва не подавилась хлебной коркой, – мистер Пэйн. Фрэнклин мне так часто о вас рассказывал. Боюсь, у него сейчас дел невпроворот. Вы же знаете, он баллотируется в сенаторы штата.

Выяснилось, что для мистера Пэйна это полная неожиданность. Впрочем, он согласился продиктовать записку для будущего сенатора Аверса.

Я села за кухонный стол, отодвинула в сторону кучу нераспечатанных конвертов с пометкой “Спросите Барбару” и приготовилась записывать. Мистер Пэйн цедил слова по капле, точно дерево – застывающую смолу. Слишком медленно для скорописи. Черт, слишком медленно даже для каллиграфии. Я успела щедро украсить каждое слово кудрявыми завитушками.

– Простите, что не сумел вовремя расплатиться с долгом... Жене опять стало хуже... Надеюсь скоро вернуть хотя бы небольшую часть суммы...

В каждом его слове звучала подлинная боль. Вспомнив, что стряслось с его женой, я не усомнилась – это не наигрыш. Попутно до меня дошло еще кое-что. Этот Пэйн живет

один, ему не с кем словом перекинуться, и при малейшей возможности он рад поболтать по телефону. Фрэнклин все негодовал по этому поводу.

Я осторожно выражала сочувствие, стараясь как-нибудь потактичнее свернуть беседу. На особенно хитроумном вензеле сломался карандаш, я вооружилась новым, но умудрилась сломать и его. Поддерживать разговор по телефону, да еще такой нудный, и не курить – это противоречит всем законам природы!

Когда я наконец дорвалась до сковороды, яичница заветрилась по краям и засохшей коростой топорщилась поверх раскисших овощей. Там и сям коченели полурасплавленные кубики сыра. Зрелище было такое, будто кто-то уже ел эту мерзость, но не смог доесть. Я швырнула остывший завтрак вверх тормашками на тарелку, налила кофе и включила ток-шоу Опры Уинфри.

Первым делом меня угостили рекламой полуфабрикатов для домашней выпечки. Сникнув над тарелкой, я отделяла вилкой крохотные кусочки яичницы, по одному отправляла их в рот и пережевывала каждый двадцать семь раз – точно сдвинутая апологетка здорового питания.

Мы с Сарой-Джейн, бывало, до колик хохотали, передразнивая торжественные движения челюстей этих бедолаг из ашрама. А их самодовольные коровьи лица! Шутка ли – научиться растягивать нешлифованный рис и соевый творожок без малого на тридцать жевательных движений!

Мы-то куда веселее коротали время, тайком поедая пиццу и заливая ее не одной бутылкой кислого красного пойла. “Приют двадцати семи жевков” стал одним из множества лечебных курортов для худеющих, где нас с Сарой-Джейн настоятельно попросили никогда больше не появляться.

Обжоры в телевизоре уже развели полуфабрикат в молоке, испекли кекс, остудили его и сожрали до крошки. “Спасибо мамуле, как она нас любит!” Затем настала очередь рекламы замороженных готовых обедов: “Спасибо нашей работающей мамуле, как она нас любит!” Я энергичнее застучала вилкой.

Этот звонок от мистера Пэйна... Странно... Мне-то казалось, иск его жены давно рассмотрен. Прежде Фрэнклин без конца стенал, до чего ж прилипчив этот “старый Пэйн, очкастый дятел”, но вот уже пару месяцев вообще не упоминал его имени. Кстати, я могла бы и сама поинтересоваться, чем там все закончилось. Как бы то ни было, Фрэнклин молодец: одолжил денег несчастному старику. Порой я тревожилась, не очерствел ли мой муж, годами ковыряясь в исках о телесных повреждениях. Дома он имел обыкновение передразнивать особенно нелепых клиентов и делал это с каким-то неприятным сарказмом...

Как ни старалась я растянуть завтрак подольше, с едой покончила за две минуты. Пока складывала грязную посуду в мойку, на экран выпорхнула чудесно обновленная, постройневшая Опра. Обаятельная особа. Просто излучает энергию. И все равно по сравнению с Опрой и доброй половиной теток в ее студии я гляделась прямо-таки тростинкой.

На сей раз обсуждали проблему “Вы и ваша мать”. По периметру студии на уступах жались друг к другу робеющие домохозяйки. Опра носилась вверх и вниз по рядам и выдаивала из них откровения. Нет, “ваша мать” – тема явно не для меня. Я выключила телевизор.

Уже покидая кухню, прихватила со стола шоколадную конфету. Всего одну, на дорожку. Только чтобы заткнуть эту бездонную, ненасытную дыру, что разверзалась где-то в животе всякий раз после еды и которую я прежде заполняла никотином.

В банке нашелся платный ксерокс. Я извлекла из сумочки три чека, выданных Фрэнклином для открытия нового счета. Все три из страховых компаний. На всех в верхнем правом углу характерная четкая галочка – обычная пометка мужа, что дело закрыто. Чеки были совместные, выписанные одновременно на него и какого-нибудь клиента. Марсия Хоффман. Лоуренс Спаньоли. Томас Кэдбери. Ну и фамилия. “Пикник” – это же мой любимый шоко-

лад! О, шоколад в цветных обертках – в бакалейном магазине, на маленьком стенде возле кассы... Миндальный, с горьковатым привкусом...

Я прихлопнула чеки крышкой ксерокса, ткнула кнопку “пуск”. Дома возьму папку, надпишу: “Средства на избирательную кампанию” – и подошью эти копии. Умение педантично вести отчетность явилось частью моего приданого. Организованность и эффективность возбуждали Фрэнклина, как ничто иное. Где уж мне, жалкой нахлебнице, оспаривать его сексуальные приоритеты!

Фрэнклин относился к привилегированным клиентам, его делами в банке ведал особый агент. Я совала ему чеки, и бедный малый по три раза втолковывал мне одно и то же:

– Вам, вашему супругу и любому другому лицу, кто будет снимать деньги с данного счета, надлежит заполнить контрольный бланк и представить образцы ваших подписей. Они будут храниться у нас. Всем вам следует заполнить карточки. Нам нужны ваши подписи. Всех, кто собирается снимать деньги со счета.

Шикарная, кристально чистая пепельница без толку прохлаждалась на конторке.

– Спасибо, – поблагодарила я.

Изредка наведываясь в банк, я непременно заглядывала на минутку к маме. Вот и теперь, покончив с делами, сбежала по пустым гулким лестницам на цокольный этаж. Мертвый воздух подвала леденил до костей.

Наконец я оказалась в помещении со множеством дверей вдоль стен, среди которых выделялась одна – чудовищная стальная махина, преграждавшая вход в хранилище. Полированный металл отливал лунным блеском, мощные перехваты приводного механизма и хитрые диски запорного устройства вздымались, как мускулы динозавра.

На фоне этого монстра восседала за своей конторкой старая миссис Уиттикер – как водится, в одном из своих бесчисленных свитеров-самовязок. Она привычно постукивала зубами от холода, а неизменные спицы в ее руках мелькали, чередуя лицевые петли с изнаночными, вывязывая прихотливые узоры. Левый рукав красного свитера был пришит нитками совершенно другого оттенка. Ни дать ни взять, “скромный дар от чистого сердца”, которыми так щедро оделяла меня рукодельная бабуля. А моя мама – она умела вязать? Мне ни разу не пришло в голову поинтересоваться, а теперь уж поздно. Уже пять лет как умер папа – и навсегда унес с собой ответы на все бесчисленные вопросы о моей матери, которые я не успела ему задать.

Между тем миссис Уиттикер, отложив спицы, поколдовала над замками. Залязгал металл, громадная дверь с неожиданной легкостью отъехала в сторону, открывая проход в хранилище с рядами одинаковых стальных ящичков. Я вынула свой, и старая заклинательница банковского сейфа препроводила меня в одну из каморок для клиентов, окружавших зал по периметру.

– Позовете меня, душечка, если что-нибудь понадобится!

– Мне бы лазанью с тестом из ржаной муки, а к ней маринованных огурчиков, – с готовностью отозвалась я, усаживаясь за пустой металлический стол.

Старушка кивнула с понимающей улыбкой:

– Да-да, дорогуша. Просто позовите, если что.

Она закрыла дверь. Каморка озарилась неживым желтоватым светом. В спертом воздухе стоял крепкий табачный дух. Я огляделась. Пепельница на столе чисто вымыта – ни одного старого окурка. Корзина для мусора пуста. Миссис Уиттикер прекрасно справляется с работой, можно донести этот факт до сведения банковского начальства. Я с грохотом придвинулась к столу вместе со стулом и водрузила перед собой закрытый ящик. Долго созерцала его, не в силах заговорить.

– Сара-Джейн умерла.

Потом нервно погладила холодную сталь и наконец решилась отпереть замок. Откинув крышку, торопливо вывалила на стол барахло Фрэнклина – растрепанную кипу каких-то разрозненных бумажек, акций, пестрых страховых полисов, россыпь конвертов всевозможных размеров, оттенков и толщины. Он то и дело забегал порыться в нашем личном сейфе, что-нибудь припрятать или вытащить, и всегда наспех, всегда кое-как.

На дне лежали длинные плоские футляры бордового бархата. Их я вынула с почтительностью и расставила перед собой ровной линией "по старшинству" – от крохотного до самого большого. Налюбовавшись, принялась открывать крышки, одну за другой. Отборные бриллианты, рубины, сапфиры, редкостные темные изумруды, словно им наскучило сидеть в темноте, тут же загорались живыми острыми лучами.

– Чудесно выглядишь, мама, – ласково шепнула я переливам света и перекинула через запястье пару браслетов. – Давно мы с тобой не виделись. Похоже, с тех пор я порядком располнела. Что, очень заметно? И как ты к этому относишься? Папа рассказывал, ты ни разу и грамма не прибавила. Конечно, пока не стала носить меня.

За дверью что-то скрипнуло. Осторожные шажки. Бедная миссис Уиттикер никак не могла взять в толк, с кем это я беседую, одна в пустом закутке.

– "Пусть сегодня в сердце тоска, завтра я тосковать не хочу..." – громко пропела я строчку из блюза американских каторжан, и больничные тапочки на резиновом ходу осторожно удалились. – Помню, что обещала подарить кое-что из твоего наследства Рикки на шестнадцатилетие. Кольцо или, может, браслет. Знаешь, не смогла. Не решилась. Она ведь еще совсем ребенок! Пожалуй, лучше на восемнадцать лет. Нынешние девушки не разгуливают в настоящих драгоценностях. А может, на совершеннолетие, в двадцать один год. Или когда родит первенца...

Именно на этой реплике я неизменно заливалась слезами. Вот и сейчас уже плакала. В кармане жакета на такой случай был заготовлен олаток.

– Можешь мной гордиться. Я бросила курить. Веришь? Такой вот последний долг Саре-Джейн. Понимаешь, никто ведь не горюет о ней, я одна. Похоже, всем и дела нет, что она умерла. Я не могла просто сидеть сложа руки, не могла! А там, глядишь, и проживу на пару лет дольше. Хотя, знаешь... – я шумно высморкалась, – вся эта дурацкая жизнь без Сары-Джейн и сигарет не стоит ни гроша. – Я бережно уложила браслеты в атласные гнезда. – Честное слово, Рикки получит свое, когда дозреет. Когда сама дозрею... А вообще все просто замечательно, – бодро бормотала я, аккуратно укладывая футляры на дно стального ящика. – В школе сегодня вечером спектакль, "Стеклянный зверинец"[1].Рикки играет Аманду. К тому же она вот-вот сдаст на права. Фрэнклин не допускает дочь до своей машины, а мне ничего не стоит поднатаскать Рикки. Я была отличным инструктором, пока не бросила курить. Теперь вот, правда... ерзаю, то и дело давлю на несуществующий тормоз и подскакиваю, едва Рикки резко крутанет руль. Она жалуется, будто я нервирую ее. В последний раз перед выездом я опрокинула порцию виски, и, представь, дочка осталась довольна. Говорит, так я куда спокойнее. Надо проверить. Да, знаешь, я так и не рассталась с журналистикой – все тяну еженедельную колонку в той же газете "Глоб". Не зря отец шутил, что передал мне по наследству типографскую краску вместо крови.

Я защелкнула крышку ящика и порывисто прижала к себе ледяной металл. Как же не хотелось расставаться с мамой.

– У твоего внука, – продолжала я, – с недавних пор на душе кошки скребут. Его приятели – все сплошь жесткие, крутые двенадцатилетки – постановили, что отныне они, пожалуй, могут разговаривать с девчонками. Джейсону жилось куда проще, когда девчонки были одним большим Врагом. Несчастный ребенок опасается, как бы за разговорами не последо-

[1] Пьеса Теннесси Уильямса. – Здесь и далее примеч. перев.

вали поцелуи. Мне просто не хватает духу открыть ему глаза, что случается *после*поцелуев. А избирательная кампания Фрэнклина набирает обороты, и скоро я закручусь как белка в колесе. Придется помогать ему днем и ночью. Вообще-то мне только на пользу пойдет чем-нибудь заняться. С тех пор как похоронила Сару-Джейн и бросила курить, живу как в тумане. Двух слов толком связать не в силах. Ну, кажется, сколько лет уже работаю в газете – так неужели трудно раз в неделю накропать сотню-другую вшивых слов? Верно, нетрудно. А вот нормальные слова – с этим у меня нелады.

Слезы градом катились на крышку ящика, и я задумчиво размазывала их пальцем, выводя на металле мокрые узоры.

– Знаешь, я вроде начинаю понимать, что пережил отец после твоей смерти. Ощущение, будто со всего маху налетела на мель. Или болтаюсь бревном на воде, и несет меня по течению неведомо куда... Мне одиноко, мама... Мне отчаянно одиноко. А время ни черта не лечит. И я просто не представляю, как мне жить дальше...

* * *

– Простите, где занятия группы “Заслон лишнему весу”?

– Это *вы*собрались худеть? – Необъятная толстуха, высившаяся над конторкой, выглядела словно туша жертвенной коровы на алтаре. Она самозабвенно раскрашивала ногти в малиновый цвет и оторвалась от этого занятия только для того, чтобы недоверчиво осмотреть меня с головы до ног.

На столешнице, возле ее локтя, в открытой коробке лежали аппетитные пончики.

– Не подскажете, где это? (А *может, и пончиком поделишься? Хоть куснуть бы...)*

– По коридору налево, – равнодушно буркнула она и замахала рукой, чтобы лак скорее просох. Точно отгоняла меня, как муху. – И вниз по лестнице!

В конце коридора я уперлась в колышущуюся стену из мощных женских спин и крупнокалиберных задниц. Все это подобие слоновьего стада размеренно двигалось в нужном мне направлении. Ну и картина – толстухи идут на пикник.

Вот они усядутся под деревом, расстелят крахмальные салфетки и вывалят из корзин горы снеди: сливочно-нежный утиный паштет с фисташковой корочкой, хрустящий французский батон, большой круг жирного острого сыра, бутыль легкого вина, грозди сладкого, как сахар, винограда...

Еда. В последнее время я только о ней и думала – кроме разве что тех минут, когда мечтала о сигарете. Если двадцать пять лет высмаливать по три пачки в день, а потом внезапно бросить, поневоле полезешь на стену.

Стадо слоних томительно долго спускалось по лестнице. Нога за ногу плелась за ними и я, вслушиваясь в болтовню и пытаясь уловить настроение подруг по несчастью. Что, черт возьми, они испытывают, идя на собрание? Волнение? Тоску? Душевный подъем? Отчаяние? К сожалению, никто не мог объяснить мне это. Да что с вами, дорогие мои? Подскажите, чего мне ждать от пикника? Надо ли прикупить крахмальную салфетку и влиться в ваши мощные ряды или лучше смыться отсюда по-тихому – к своему кухонному дивану, коробке конфет и занимательному чтиву?

Увы, я понапрасну вострила уши. Слонихи лишь перебрасывались ничего не значащими фразами и вяло переставляли ноги. Процессия неспешно, словно сытая змея, вилась по узкому лестничному пролету куда-то вниз.

– Чувствую себя Орфеем на пути в ад, – не утерпев, шепнула я ближайшей даме. Та с опаской оглянулась и вежливо растянула губы в жалкой улыбке.

Да ладно, милочка, шутка, может, и глупая, но не настолько же! Где же ты, Сара-Джейн?

–Забавно... – послышался вдруг роскошный голос, певучий и звучный. Я обернулась и едва не свалилась с лестницы – от изумления. Передо мной была поистине женщина-гора. Она едва протискивалась через проход, где легко разошлись бы двое встречных. От щек до щиколоток ее драпировала безбрежная развевающаяся хламида в “огурцах”, и я едва отогнала наваждение – вот сейчас ваятель сдернет покровы и передо мной предстанет не одна фигура, а целая скульптурная группа.

Чудо-женщина, мучительно переваливаясь, переползала со ступеньки на ступеньку. Помню, я так ковыляла на девятом месяце, когда ноги отекали и живот перевешивал все прочее. Какой кошмар – годами жить словно на сносях. Женщина навалилась боком на перила и замерла, отдуваясь. Толстухи, идущие за ней, нетерпеливо напирали, но своротить препятствие не могли.

– Как по-вашему, Орфей тоже пытался поставить заслон лишнему весу? – Я решила занять несчастную беседой. Ведь наверняка чертовски тоскливо ощущать себя помехой для всех.

– Какая разница? – Необъятное тело всколыхнулось и вновь отдалось многотрудному спуску. – Что жир сгонять, что Аида[2] уламывать – все одно, чистый ад!

Одолев последнюю ступеньку, она опять остановилась, а я устремилась вслед за остальными. Пахло сыростью и цементом. Над головой угрожающе нависал низкий потолок, изъеденный глубокими трещинами. Из них сочилась вода, и ржавые капли звонко шлепались на пол или кому-нибудь на макушку. Оригинальный декор довершали мутные трубки неоновых ламп – чудом цепляясь за растрескавшийся потолок, словно фантастические паразиты, они мигали и надсадно гудели. Вокруг нашей скорбной процессии метались тени.

Я содрогнулась, жуть пробрала меня насквозь через весь мой растущий подкожный жир. Живой меня отсюда не выпустят. Вот идиотка, надо было хоть прощальную записку черкнуть. Что-нибудь вроде “Умерла за впалые щеки” – белой глазурью по шоколадной заливке именинного торта, который я испекла сегодня для Джейсона. Одна беда: шоколадную заливку я сожрала. Подчистую. Не со зла, это вышло как-то само собой.

Большая цифра “12”, выписанная на торте, получилась немного криво. Пришлось соскоблить неудачную надпись и слизать ее прямо с ножа. Пустяки, решила я, сделаю новую, и взялась за кондитерский мешочек. Пока трудилась над цифрами, где-то в недрах моей утробы пробудились и хором завыли тысячи голодных чертей: “Еще, еще!” Тогда я вылизала глубокую миску, в которой готовила глазурь, и оба венчика от миксера. Оставалось одно – тщательно подобрать пальцем крупинки шоколада с боковин торта.

Этим преступным путем я незаметно добралась и до верха. И что вы думаете? Оказалось, что в этом вот месте слой шоколада слишком толстый, а тут совсем неровный. Понятно, что таким образом я очень скоро доскребла до бисквита и в ужасе спохватилась, только когда обнаружила, что прежде радовавшая глаз блестящая глазурь напоминает вспаханное поле.

Я вздохнула и с облегчением позволила себе прикончить остатки шоколада – ну не оставлять же их. Заново оформить торт до ужина я уже не успела. Так что теперь надо бы заскочить в магазин за шоколадом. Если, конечно, вырвусь отсюда живой.

Наконец наша нестройная колонна втянулась в огромный зал. Вдаль уходили бесконечные ряды деревянных креслиц – узеньких, словно в детском театре. Между рядами металась всклокоченная толстуха, яростно грохоча откидными сиденьями, на которые тотчас падали входящие. Зал перегораживал длинный стол, за которым сидела симпатичная особа, пропускавшая жаждущих похудеть через короткую процедуру.

---

[2] Аид – в древнегреческой мифологии повелитель царства мертвых, к которому прославившийся своим искусством певец Орфей спускался с просьбой вернуть ему недавно умершую жену Эвридику.

Она сноровисто взвешивала клиенток на напольных весах, принимала у них денежные чеки, выхватывала из огромной папки персональные карточки, вписывала в них вес и, наконец, оделяла каждую ярким буклетом.

Я покорно пристроилась в очередь. Женщина, стоявшая передо мной, вдруг оглянулась и посетовала:

– Никогда не встречала более депрессивного заслона.

– И не говорите! – Я выразительно закатила глаза, подыгрывая шутнице.

Вот-вот кинусь наутек. Нет, до конца мне этот ужас не вытерпеть.

–Я Флоренс, – и она энергично сунула мне руку. Сухая теплая ладонь, пожатие сильное, но не грубое, – как видно, Флоренс не из тех воинствующих феминисток, что ненавидят в себе женщин. – Я из пригорода, – продолжала она. – Терпеть не могу это дурацкое взвешивание! Норовлю под благовидным предлогом остаться дома в такие дни. Но сегодня улизнуть не удалось, дочка выходит замуж, и нужно подобрать ткань на свадебное платье. А я знаю один магазинчик в центре... Боже, какое там кружево, а шифон...

Я улыбалась, кивала и не слышала ни слова. Флоренс тарахтела, а я просто “выключила” звук. Эту технологию я отработала до совершенства еще на своей бабушке, наверняка побившей все мировые рекорды по неумолчной болтовне. За все годы, что она растила меня (и говорила, и говорила без остановки), ей ни разу не удалось засечь, что я ее не слушаю. А уж на что была приметливая! И как готовила... Горы шоколадного печенья и трубочек с кремом... Оладьи с изюмом, сладкий сироп...

Очередь продвигалась еле-еле, потому что многие завсегдатаи задерживались у стола поболтать с сотрудницей. Темы удручали однообразием. Что и сколько они ели на этой неделе. На каких гуляли свадьбах, крестинах, обрезаниях и как “вели себя” за столом – разумно или не очень. До двери рукой подать, мелькнула мысль, еще не поздно выскочить в коридор и испариться.

Флоренс вдруг перестала журчать. Похоже, спросила о какой-нибудь чепухе и никак не возьмет в толк, отчего я не тороплюсь с ответом. На такой случай у меня припасен особый прием – “Соринка”. Я вполне убедительно всхлипнула и прикрыла ладонью глаз.

– Что такое, что случилось?

– В глаз что-то попало... Не менее убедительно корчась, я запрокинула голову, моргая как свихнувшаяся сова.

– Только не трите! Дайте-ка я посмотрю.

Она деловито выхватила из сумочки упаковку гигиенических салфеток, извлекла одну и скрутила из нее фитилек. Воистину, каждая порядочная женщина владеет собственным рецептом коктейля с мартини, способом избавления от икоты и соринок в глазах. Ладно, пусть похлопочет немного.

– Вроде ничего нет... – обескураженно протянула она, обследовав покорно подставленный глаз.

– По-моему, тоже. – Я моргнула еще пару раз для порядка. – Здесь такой плохой свет!

Оглядев зал, словно прозревший слепец, я воззрилась на свою спасительницу с выражением немого восторга.

– Как рукой сняло! Флоренс, вы прямо волшебница!

– Ах, ну что вы. Такой пустяк! Всегда рада помочь. Муж смеется, что я вторая Флоренс Найтингейл[3]. Да вот не далее как на прошлой неделе...

Спасите, сигарету! Только чтобы очухаться. Хотя бы разок затянуться, а не то я просто свихнусь!

---

[3] Флоренс Найтингейл (1820-1910) – знаменитая английская сестра милосердия, положившая начало профессиональному сестринскому уходу.

Но здесь не курил никто. Изуверские плакаты “Просим воздержаться от курения в зале” висели на каждой стене, и все воздерживались, ни одна не рискнула взбунтоваться против идиотского запрета. Своих сигарет при мне не было, так что оставалось обежать всех толстух и обнюхать каждую. Как почувствую запах несвежей пепельницы, въевшийся в волосы и одежду, отброшу последний стыд и поклянчу сигаретку.

– Так, вы у нас кто?

Шестое чувство шепнуло, что вопрос обращен ко мне. Неутомимая служительница улыбалась из-за кипы бумажек и проспектов.

– Новенькая?

Нет, уже слегка поношенная.

–Да, – поспешила ответить я, старательно лучась энтузиазмом. – В первый раз.

– Вижу, пришли с подругой? – Она по-свойски улыбнулась, кивнув в сторону Флоренс. Та, с ненавистью косясь на весы, лихорадочно стягивала кольца, браслеты, туфли, едва ли не юбку – словом, все, что снималось, лишь бы весить хоть на несколько граммов меньше.

– Нет-нет, я одна!

Служительница всем своим видом выразила счастье, что в их ряды влился новый член, после чего перешла к деловым моментам:

– Выпишите чек, вот наш прейскурант. Цифра вверху – первый взнос. Еженедельная плата поменьше. Конечно, если не станете пропускать занятия. Иначе в следующий раз придется платить вдвое – то есть за пропущенное тоже. Маленькая хитрость, чтобы заставить вас заниматься регулярно.

Я не стала уподобляться Флоренс и предпочла взойти на весы, не раздеваясь. Тогда разница между сегодняшним и будущим взвешиванием окажется более впечатляющей, ведь уже к следующему занятию я порядочно сброшу. Докажу этим аморфным теткам, что даже малая толика силы воли способна творить с фигурой чудеса.

Тем временем меня обмерили. При росте 160 сантиметров я потянула на пятьдесят шесть килограммов с хвостиком. Еще бы. Ведь мало того что уничтожила весь шоколад с праздничного торта, по пути сюда заглянула в закусочную: кофе, апельсиновый сок, яйцо и к нему ржаные тосты с маслом и пара сосисок. Когда с обмерами было покончено, я задумчиво побрела в зал. Где бы пристроиться? В первом ряду оживленно щебетали какие-то дамочки, обряженные в разноцветные вариации одного и того же спортивного костюма. Между прочим, их даже нельзя было назвать тучными – так, всего несколько лишних килограмм. Пожалуй, от них можно услышать что-нибудь полезное. Я села во втором ряду и затаилась.

– Как тебе обеды “У Лайлы”?

– Салаты просто отвратные!

– Зато какие цыплята жареные – объедение!

Желудок скрутило немыслимым узлом. При любом упоминании о пище меня одолевал никотиновый голод, который тут же выпускал на свободу бешеную потребность в еде. Мое нравственное падение набирало обороты, я разлагалась прямо на глазах.

Гурманки без устали делились своими гастрономическими воспоминаниями. Я отключила их (спасибо, бабушка!) и уткнулась в буклет, которым одарила меня весовщица. По мнению “Заслона”, “нормальные колебания” моего веса лежали в промежутке от пятидесяти двух до шестидесяти одного килограмма. В этих пределах любой вес объявлялся допустимым.

Я напрягла воображение и представила себя весом в шестьдесят с лишним кило. И это допустимо? Интересно, для кого? В пустую клеточку, озаглавленную “Ваша цель”, я решительно вписала “52”. Не страшно, с пятидесяти двух до своих нормальных сорока восьми уж как-нибудь сама доголодаюсь.

В другой брошюре подробно перечислялись блюда, какие можно есть в первую неделю. Надо же, до чего безобидная диета – да здесь почти все мои любимые лакомства! В черный список угодили только три неудачника – сухое белое вино, пончики и молочный шоколад. Вместо запрещенных блюд следовало выбрать другие, менее вредоносные. Этой благой цели служила бесконечная таблица, в которую я и погрузилась поначалу с детской увлеченностью.

Система замены продуктов оказалась чертовски хитроумной. Плод изощренного, если не извращенного ума! Как шпион в стане врага, я приступила к дешифровке. Итак, пятьдесят шесть с половиной грамм куриной грудки содержат одну единицу белка... Ага, на день мне полагается не больше шести таких единиц, значит, в итоге получаем... Черт, три квадратных литра чернил – вот что мы получаем! И кто только выдумал всю эту муть?

Мудреная бухгалтерия – мой домашний крест – грозным призраком замаячила перед внутренним взором. Вспомнился муж и его презрительное замечание. Я окончательно скисла. Неужели он все-таки прав? Узнав о моих планах податься сюда, Фрэнклин холодно обронил, мол, на кой черт мне это сдалось? Немного силы воли, и от лишнего веса следа не останется. А главное, тратиться не придется.

Густая волна тяжелых вечерних духов накрыла меня с головой и вернула к действительности. По моему ряду, чудом втиснувшись в узкий проход, перемещалась немыслимая масса набивных “огурцов”; ткань величественно колыхалась под бренчание бесчисленных браслетов. На меня надвигалась женщина-гора, отставшая на дальних подступах к залу.

Теперь, при нормальном освещении, я могла рассмотреть ее лицо. Полное, гладкое, ни намека на скулы – и все же оно выдерживало испытание ярким светом на все десять баллов. Нежная прозрачная кожа, живой, проницательный взгляд ярко-голубых глаз, потрясающие ресницы. И все это в обрамлении буйной черной гривы.

Незнакомка держалась естественно, с достоинством, с полным сознанием собственной красоты. Так и хотелось дернуть ее за рукав и полюбопытствовать, скольких еще красавиц она прячет под своей необъятной хламидой. Вроде не мое это дело, но я вдруг обрадовалась: здесь ее тело сделают прекрасным, под стать лицу.

Она осторожно опустилась на соседнее место и поначалу долго скрипела сиденьем, очевидно устраиваясь поудобнее. Потом занялась своей огромной матерчатой сумкой: то пыталась подсунуть ее под локоть, то шлепала на пол и тут же тяжело нагибалась за ней, пристраивала на коленях, а однажды даже умудрилась потерять ее в складках собственного одеяния.

Время от времени это удивительное создание принималось рыться в недрах сумки, поочередно выуживая оттуда ручку, дезодорант, крохотную записную книжку и прочее барахло, затем многострадальная торба снова возвращалась на пол, и хозяйка энергично пинала ее ногой, загоняя под стул. В конце концов она повесила сумку на спинку чужого стула и утомленно задышала, любуясь результатом.

И все это под бряцание украшений и в растревоженном облаке удушливо-сладкого аромата. Я сидела ни жива ни мертва.

Неожиданно она обернулась ко мне и обнаружила на моей физиономии вполне естественное изумление – глаза вытаращены, челюсть отвисла. Но лицо ее тем не менее озарилось мягкой, всепонимающей улыбкой.

– С моей комплекцией не так-то просто угнездиться. Будем знакомы, я Кэтлин.

– Барбара.

– Впервые угодила в этот гадюшник?

Я растерялась. Неужели так заметно, что я новичок?

Кэтлин кивнула на брошюру “Первая неделя диеты”, которую я нервно теребила в руках:

– Полное дерьмо! Ни за что не поверю, что хоть одна распоследняя идиотка читала это по доброй воле.

Я решила поддержать беседу с бывалым человеком. Судя по ее осведомленности, она варится здесь не первую неделю.

– Месяца три, – нехотя подтвердила Кэтлин, сразу погрустнев.

– И как успехи?

Не стоило задавать этот вопрос. Кэтлин неопределенно дернула головой и поспешно отвела взгляд в сторону. Да уж, такта у меня не больше, чем у разыгравшегося щенка. Едва перекинулись парой слов, а уже лезу поковыряться в наболевшем.

– Доброе утро!

Поставленный голос председательницы перекрыл гудение голосов в большом зале. Мы ответили нестройным хором, как первоклассницы.

– Все вы сегодня просто неотразимы! – обрадовала она собравшихся и, поощрительно улыбнувшись, раскрыла видавший виды блокнот. Листы были сплошь оклеены журнальными вырезками, картинками и еще какими-то бумажками-как мне показалось, рецептами. Долистав до нужной страницы, она предъявила нам фотографию необъятной толстухи во весь разворот. Пока я рассматривала бесформенные бока и слоновьи ноги модели, хозяйка снимка непринужденно заметила:

– Кстати, информация для новеньких. Это я, собственной персоной, – двадцать кило тому назад!

Зал дружно грянул аплодисментами. Героиня встала и с довольной улыбкой неспешно повертелась, демонстрируя себя со всех сторон. Контраст с фотографией был разительный. Меня невольно начала захватывать стихия всеобщего энтузиазма.

– Вот такой, милые дамы, я проходила девять лет, девять месяцев и двадцать дней. Наша программа *действительно*помогает. Я – живое тому подтверждение.

Мы снова взорвались овациями. Едва не отбив ладони, я схватилась за блокнот. Наша руководительница начала разъяснять суть методики. Нужно записать все в подробностях, не пропустить бы самое важное.

Перспективы открывались просто радужные. На носу лето – идеальная пора для желающих похудеть. Плавание великолепно подтягивает фигуру. Опять же, именно летом так хочется быть стройной! Тучные в жару прямо-таки обливаются потом, да и в бикини выглядят, мягко говоря, неважно.

Торопливо перелистывая очередную убористо исписанную страничку, я мельком взглянула на свою соседку. Кэтлин обмякла в кресле – голова подозрительно склонилась к плечу, блокнот лежит на коленях, ручка вот-вот выскользнет из расслабленных пальцев. Но любоваться на все это было некогда, ораторша буквально забрасывала нас всевозможными идеями, испытанными способами перебить голод и полезными советами.

Никогда я не чувствовала себя столь окрыленной – разве только в тот упоительный день, когда бабушка вела меня за руку первый раз в первый класс. Сейчас меня переполняли тот же энтузиазм и то же страстное желание учиться новому. Пускай это первая диета в моей жизни, я справлюсь! Я действительно созрела для самого серьезного голодания. Черт возьми, ведь все так просто и очевидно! И чего я так убиваюсь из-за пары несчастных килограммов?

Излив на нас водопад информации, руководительница энергично хлопнула в ладоши – знак к началу нового “урока”. Когда зал угомонился, она с радостью провозгласила:

– А теперь, дорогие мои, разбейтесь на пары, кто с кем сидит, и обсудите, каким видом спорта хотели бы... нет, непременно будете заниматься!

Я тотчас обернулась к Кэтлин, намереваясь начать разговор, но... Уронив голову, отчего лицо занавесилось волосами, она спала глубоким, мирным сном безгрешного ребенка. Могучая грудь мерно вздымалась и опускалась, как вольная океанская волна.

Оглядев остальных "одноклассниц", я приуныла: все уже шептались попарно, одна я томилась в одиночестве. Что ж, придется, как ни жаль, вырвать Кэтлин из сновидений. А ведь как сладко посапывает. Ангел, да и только. Впрочем, вряд ли она будет в претензии – не надеется же похудеть во сне.

Однако хватать едва знакомую женщину и трясти что есть силы было как-то неловко. Я встала и довольно бесцеремонно продралась мимо сони к столу нашей наставницы – якобы затем, чтобы разжиться фирменной ручкой с логотипом "Заслона". На обратном пути обнаружила, что Кэтлин проснулась и хлопала ресницами, бессмысленно тараща глаза. До нее с явным трудом доходило, где она, собственно говоря, находится.

Теперь я уже осторожно пробралась на свое место и обратилась к страдалице:

– Так чем займемся?

Кэтлин оживилась, глаза загорелись.

– А ты чем хотела бы?

– Вообще-то я предпочитаю ходьбу. Вернее, предпочитала, пока... *(Где ты, Сара-Джейн?)*Пока у меня была спутница.

– Может, лучше аэробика? – предложила Кэтлин.

– Тоска!

– А бег трусцой?

– Что ты, это же вредно для суставов!

– Как насчет плавания?

– Уже пробовала... Вообще-то ничего, почти приятно. Вот только залезать в воду... Жуткая минута! Прыгаю с бортика, и над моим нежным, теплым телом смыкается мерзкая, мокрая, холодная вода! Брр, содрогаюсь при одном воспоминании.

– Могу подсказать бассейн, где вода всегда теплее двадцати шести градусов, – вкрадчиво промурлыкала эта иезуитка.

– Я как раз туда и ходила!

Мы рассмеялись – сколько можно прикидываться серьезными! Теперь настал черед Кэтлин исповедоваться.

– Что касается спорта, тут я – сама беспристрастность: все виды ненавижу одинаково.

И ее красноречие иссякло. Понурясь, Кэтлин щелкала шариковой ручкой, шуршала страницами блокнота и наконец взорвалась:

– Проклятье, о чем вообще разговор? Ну какой, к чертовой матери, спорт! Назови мне хотя бы одно-единственное терпимое упражнение – ведь это всегда или пытка, или занудство, или бессмысленная трата времени, а то и денег!

– А секс?

Вот это да, я обезоружила ее.

Кэтлин вздернула брови, обдумывая нестандартную идею, и уголки ее рта поползли кверху в заинтересованной улыбке.

– А что, неплохо... Скажем, полчаса без передышки, самое меньшее? Три раза в неделю! Как тебе?

Господи, бедный Фрэнклин... Последнее время он столько вкалывает, где уж ему наскрести целых полчаса. Разве только научится одновременно ублажать жену и крутить педали велотренажера!

Нас уже поторапливали. Еще две минуты на обсуждение в парах, потом – общая беседа.

– Ну же, Кэтлин, решай! Выбери наименьшее зло.

– Ага, между петлей и веревкой!

Пока она мучительно напрягала мозги, хмурясь и покусывая губы, я исподтишка рассматривала ее. Надо же, как хороша, дух захватывает! Сара-Джейн тоже была красива – от макушки до шеи. Просто в голове не укладывается, как можно так себя запустить! Эх, будь у меня такое лицо... На все готова, лишь бы тело не уступало лицу! Сара-Джейн тоже становилась безвольной тряпкой, едва примечала что-нибудь съедобное. Виду я не подавала, но порой меня это невероятно сердило. В конце концов, она ведь курила – дымила как паровоз.

Кэтлин недовольно поерзала в кресле и со вздохом пробурчала:

– И рада бы соригинальничать, да не выходит. Ладно, ходьба так ходьба. Надеюсь, не помру от переутомления!

Среди толстух в дальнем конце зала вдруг пробежал смешок. Одна задорно выкрикнула:

– Представляете, что мы выяснили? Оказывается, каждая чуть не ежедневно давала себе зарок записаться в группу коррекции веса – и оставалась валяться на диване!

Кэтлин обрадованно хмыкнула:

– Надо же, не одна я такая вялая колода.

– Да, но как сделать первый шаг? – отозвалась какая-то трезвомыслящая особа. – Как оторваться от коробки конфет и любимого кресла?

Рабыню своих привычек поддержало не меньше половины аудитории. В зале стремительно сгущалась атмосфера апатичной покорности судьбе. Напрасно руководительница призывала нас высказать какие-нибудь свежие идеи, как побороть свою лень. Несчастные толстухи притихли в унылом молчании. С робостью первоклассницы я подняла руку.

– Мне было гораздо легче заниматься спортом вместе с подругой. Одна я в жизни не выбралась бы на улицу или в спортзал.

– Чудесно! – вскричала наставница и энергично зааплодировала. Я просияла так, словно впервые в жизни удостоилась пятерки с плюсом. – Дорогие мои, это восхитительный совет! Итак, мы договорились, что каждая найдет себе пару для занятий спортом. Обменяйтесь телефонами, созвонитесь и приступайте к тренировкам.

К концу занятия я вполне освоилась, обстановка уже не казалась мне такой неприятной и тоскливой. Пока Кэтлин записывала мне номер своего телефона, одна из женщин из первого ряда с восторженной улыбкой сунула нам по рекламке:

– Почитайте на досуге.

Простившись с Кэтлин, я помчалась подвальным коридором к лестнице. Еще успею купить упаковку готового шоколадного крема для торта. Нет, лучше две. Уже на втором пролете я позорно задыхалась, пришлось сбавить темп.

Медленно поднимаясь по ступеням, я пробежала глазами куцые строки рекламного листка. “Новая Методика! Уникальная Яичная Диета!” Я машинально просмотрела идиотский текст, пытаясь отогнать невеселые мысли. Да, все возвращается на круги своя. Года три тому назад рекламу этой клиники точно так же подсунули Саре-Джейн. И разумеется, диета не помогла. Выходит, теперь моя очередь? Впрочем, Саре-Джейн просто не везло – каких только методик она не испробовала, и все без толку. Но мне-то непременно повезет...

* * *

Утро четверга. Восемь часов двадцать девять минут. Подпирая голову руками, обреченно пялюсь на пустой экран монитора. В верхнем левом углу настырно мигает курсор. Все готово к вдохновенному творчеству. Кухня вылизана до блеска и погружена в благодатную тишину, лишь трудолюбиво гудит компьютер. Справа от него – руку протяни – большой термос с крепким кофе, слева – изрядная пачка писем с пометкой “Спросите Барбару”. Я с ненавистью смотрю на проклятую кучу. Спросите Барбару, как найти то, не знаю что...

На столе не хватает только двух обязательных орудий труда – пепельницы и пачки сигарет. Их место пустует, и эта пустота лишает покоя. Щелк – минутная стрелка перескочила еще на одно деление. Восемь тридцать, я добросовестно отсидела ровно час. Пора размяться и немного подкрепить боевой дух, благо за этим далеко ходить не надо – достаточно протянуть руку к дверце холодильника.

Я нарезала тонкими ломтиками французский батон, зарядила тостер и ободрала фольгу с треугольника рокфора. Положим, все это не в лучших традициях "Заслона", но беда невелика. Позавтракаю по своему вкусу, зато весь день стану поститься. Час назад я проглотила пару бутербродов, но они не в счет. Кормила детей перед школой, подъела за ними кое-какие остатки. Не выбрасывать же. Так что сейчас у меня даже не перекус, а так – все тот же завтрак, часть вторая.

Тостер выстрелил румяными гренками, и я с головой ушла в тонкий процесс намазывания мягкого сыра на хлеб. Телефон, будь он неладен.

– Ну и херня же эта яичная клиника!

Переход от кулинарного священнодействия к прозе жизни оказался слишком резким. Я не сразу сообразила, о чем речь, но, узнав голос, расхохоталась.

– А, Кэтлин! С добрым утром! И как успехи? Удалось похудеть на глазунье?

– Такого со мной еще не случалось!

Низкий голос Кэтлин с трудом пробивался через хаос посторонних звуков. Где-то перекрикивалось множество людей и безостановочно трезвонили телефоны.

– Откуда звонишь?

– С работы.

Я была поражена:

– В такую рань?

Подумать только, я-то считала себя едва ли не героиней, усаживаясь утром за компьютер в своей уютной кухне!

– А как же! Работа вроде рыбалки – на заре и черви аппетитнее, и клев лучше. А что до успехов, одним могу похвастаться. Опытным путем я абсолютно точно установила, как отличить нормальную лечебницу от полной лажи. Если тебе втирают, что можно сожрать хоть тонну, но *непременно*такого-то продукта и *именно*таким-то образом, а не то повылезут все волосы и посинеют ногти...

– Какие еще ногти? В моей рекламке ни слова про ногти! У тебя так и написано – "посинеют"?

– ... Имей в виду: ты угодила в дерьмо. Я рвать и метать готова! – бушевала Кэтлин, презрев мои подначки. – Представь только: толпа ублюдков с медицинскими дипломами на полном серьезе запихивает в беззащитную женщину по семь яиц в день! Что за бред эта куриная лечебница!

– У меня, конечно, нос не дорос тебя поучать. – Я нетерпеливо лизнула намазанный сыром тост. – Но, видишь ли, у порядочных американцев как-то не принято лечиться в тех же местах, где пользуют кур.

Кэтлин фыркнула в трубку и потребовала не морочить ей голову. Я-де прекрасно поняла, что речь идет о *той самой*клинике.

– Ах, о *той самой?*Так ты имела в виду ту самую клинику, где куры сидят на яйцах?

Пока Кэтлин заливается звучным смехом, можно всласть похрустеть завтраком. Развернув телефонную трубку вверх тормашками, чтобы микрофон оказался подальше, я торопливо вгрызлась в тост.

– Этой клинике черт знает сколько лет. Представляешь, какую кучу денег они из нас вытянули? Их диета – фальшивка, полная чушь! Морочат головы несчастным бабам! Что это ты там жуешь?

Как она расслышала? Едва не подавившись, я судорожно проглотила кусок и вернула трубку в нормальное положение. Беседа принимала не самый приятный оборот. Лучше замять эту скользкую тему – пусть себе кроет яйцеедов.

– А мне о них рассказывали много обнадеживающего. Там похудело столько женщин.

– Еще бы. Жрали меньше, вот и худели. Но при чем тут бесконечные яйца на завтрак, обед и ужин? А чего стоит вся эта псевдонаучная заумь? “Добавьте пол чайной ложки кукурузного масла и две капли лимонного сока”... Вот именно две, боже упаси, чтобы три!

Все, больше терпеть не могу. Я воровато куснула бутерброд и отчетливо выговорила, стараясь не чавкать:

– Ничего не имею против двух капель лимонного сока.

– Нет, ты мне скажи, что ты там ешь? Отвечай, Барбара! Я прекрасно знаю, как звучат все разрешенные блюда. Это что-то другое, из черного списка. Прости, отвлекусь на секунду...

Кажется, Кэтлин с кем-то говорила, но в этой адской мешанине звуков невозможно было разобрать ни слова. Вкалывает небось оператором на телефоне, принимает заказы или консультирует покупателей. Такая работа как раз по ней: при телефонном разговоре приятный голос решает все, а бесформенная фигура не имеет никакого значения. Запросто могла бы сколотить состояние на какой-нибудь “Горячей линии только для взрослых”. Да каждый второй мужик разум потеряет, едва она пропоет свое “алло”!

– Понедельник день тяжелый. – Кэтлин вновь переключилась на меня. – Кстати, почему торчишь дома, а не меряешь шагами улицу?

Не дрогнув, я соврала, что как раз подумываю об этом, и, уже не таясь, заглотила остаток тоста.

– Ну, раз уж зашла речь о спортивных подвигах, чем похвастаешься ты?

– Хожу, в общем-то. К холодильнику... Повисла пауза. Кэтлин явно ждала от меня приглашения, и я не выдержала:

– Хочешь, будем тренироваться вместе?

В тот же миг я пожалела о своей вежливости. Все-таки мы едва знакомы... Тренировки – дело тонкое, это ведь не кофе в забегаловке выпить и распрощаться! Но отступать все равно поздно, так лучше не тянуть и начать прямо на этой неделе. Ладно, поглядим, чего мы с ней добьемся на пару.

Кэтлин и сама маялась сомнениями:

– Разве что одну неделю... Для пробы...

Мы договорились встретиться завтра, в семь утра. Простившись, я с тоской оглядела стол. Все так же громоздились письма, мерцал голый, как бесплодная пустыня, экран. Пожалуй, не мешает вернуться к работе – чем черт не шутит, вдруг муза тоже покончила с завтраком и вот-вот свалится мне на голову? Но сперва намажу себе еще один тост.

Блюдце с бутербродом худо-бедно заткнуло пустоту, оставшуюся от пепельницы. Лишь тогда я с обреченным вздохом уселась за стол и покорно взялась за первое письмо.

Дорогая Барбара!

Моему мужу скоро стукнет сорок, я задумала сделать ему сюрприз. Он без ума от цирка, вот я и решила устроить для него и гостей домашний цирк. Где мне достать живого слона, чтобы на празднике покататься на нем?

Рука сама собой схватилась за соломинку – то есть за бутерброд. Другую руку я усилием воли перетащила на клавиатуру и принялась методично тыкать в кнопки одним пальцем. Я справлюсь, черт вас всех раздери! Загублю два дня своей неповторимой жизни вместо привычных четырех часов, но сочиню эту еженедельную колонку! И плевать, что выйдет уныло и плоско. Слава богу, есть на свете безответные трудяги, редакторы “Глоб”. С тех пор как я бросила курить, у них здорово прибавилось работы. Факты в моих статьях, грех

жаловаться, оказывались как на подбор – свежие и увлекательные, но боже милосердный, как же убого они были изложены! Штамп на штампе! Да ладно, Кэмерон – лояльный босс и к тому же приятель. Вряд ли вышвырнет меня из газеты! А со временем – голову даю на отсечение – я стану прежней Красноречивой Барбарой.

АПРЕЛЬ. 59 – 66 кг

Вывалив в раковину упаковку куриных грудок, я с глухим недовольством полоскала под струей ледяной воды волокнистое белое мясо. По радио знаменитый психотерапевт Тони Грант с изуверским изяществом препарировал позвонившего в студию идиота.

Нет, бормотал идиот, в жизни он не бывал на всяких там дурацких просмотрах. Вообще-то актерскому мастерству он тоже нигде не учился. Это для ремесленников. А он гений, от природы. Когда осознал свое призвание? Да пока вкалывал на птицефабрике – работенка как раз для гения, разбирал цыплят на кур и петухов.

От анализа доктора Гранта меня отвлек телефон. Стэнфорд. Я нехотя убавила звук и вернулась к полосканию курятины, прижав трубку к плечу и мечтая перегрызть Стэнфорду сонную артерию.

– Мне так жаль отрывать тебя от дел, Барби. Врет, лживый ублюдок.

– Я вот о чем подумал. От Сары-Джейн осталась прорва всякого тряпья. Может, заберешь на этой неделе?

Ну разумеется, пора повышвыривать балахоны пятьдесят четвертого размера и проветрить платяной шкаф. Глядишь, их сменит сорок второй размерчик. Я стянула склизкую пупырчатую кожу с тощих кусков мяса – отвратительно, будто жабу свежуешь! – и воткнула нож в розовую плоть. Хоть режется легко...

– Стэнфорд, пойми меня правильно, но я, кажется, уже выполнила все печальные обязанности по отношению к тебе.

– Барбара, я бы и сам, но... – Он изобразил, будто сдерживает слезы. – Но мне все еще больно... И потом, я понятия не имею, что делать с этой одеждой. А ты наверняка найдешь ей применение, отдашь бедным...

– Ну ладно. Они, должно быть, обрадуются...

– Только не забудь переслать мне квитанцию.

Удивительно, ему хватило совести умолчать хотя бы о том, что это поможет скостить налоги!

– Хорошо, заеду, – пообещала я. Ложь.

– Э-э... только позвони, ладно? А то вдруг не застанешь.

– Нет, заеду, когда ты будешь на работе. Не хочу мельтешить у тебя перед глазами. (А *точнее, от твоей рожи меня вывернет наизнанку.)* -У меня ведь есть ключ.

– Кстати, будь добра... оставь его на кухонном столе. – Стэнфорд был сама естественность, но я – то не дура. – Уборщица потеряла свой...

Понятно. Боится, что нагряну к нему без предупреждения и застукаю на очередной "девушке месяца". Как же, такая недопустимая вольность со стороны убитого горем вдовца! Вот только всем на это плевать. Всем, но не мне.

– Нет проблем, – коротко ответила я. *В этом доме больше нет Сары-Джейн, и ключ мне не нужен.*

Покончив и со Стэнфордом, и с курятиной в раковине, я схватилась за топорик для разделки мяса. Новый набор ножей и прочего инструмента появился в моей кухне одновременно с шикарным фолиантом "Китайская кухня". Китайской предшествовала "Креольская кухня", которая сменила на почетном посту "Французскую кулинарную классику на новый лад", а та, в свою очередь, – "Печем торты" и прочее, и прочее.

Я шлепнула на доску куриную грудку и с силой рубанула по ней, вкладывая в удар всю свою застарелую ненависть к Стэнфорду.

Его эротические похождения всегда досаждали мне куда больше, чем самой Саре-Джейн. Помню, как-то раз мы вдвоем выбрались на выходные во Флориду – у нее была там

своя квартира. Так вот, из недр сушилки она выудила совершенно непристойные трусики в виде лоскутка алого кружева. Очевидно, памятный трофей после одной из регулярных отлучек Стэнфорда “в гольф-клуб, помахать с приятелями клюшкой”!

Я едва не задохнулась от бешенства, а моя подруга хладнокровно сказала:

– Задницы сорокового размера не имеют права на существование. – Похоже, загнанный глубоко внутрь гнев каким-то образом пробудил дремлющую в ней южную кровь. – Так предадим божество всех узкозадых огню!

И Сара-Джейн величаво простерла унизанную перстнями руку к стеклянной дверце высокого резного шкафа. Там, в святая святых, сверкала очередная гордость Стэнфорда – обширная коллекция “древнеримских” стеклянных кубков.

На подбор экспонатов этот идиот потратил совершенно сумасшедшую кучу денег и всего один вечер – коллекция была скопом закуплена на каком-то сомнительном аукционе в Нью-Йорке.

Насколько крупно он просчитался, выяснилось довольно скоро. Новоиспеченный меценат раз за разом пытался завещать своих стеклянных монстров крупнейшим музеям, но те с неизменной брезгливостью открещивались от его щедрого дара. Стэнфорд, однако, сохранил детскую привязанность к никчемным стекляшкам, и теперь все это добро благоговейно сберегалось, подальше от чужих глаз, во флоридской квартире – в изящном шкафу, выполненном на заказ и стоившем куда больше, чем его содержимое.

– Послушай-ка, Сара-Джейн...

– Пожалуй, вот эта в самый раз.

Мстительно улыбаясь, она бережно извлекла из недр шкафа тонкостенную чашу, легкую, как пузырек воздуха.

– Стэнфорд не надышится на эту вещицу. Он вообще преклоняется перед всем... хрупким.

Я давно изучила эту ее ухмылку. Недвусмысленное предупреждение, что если я сию же секунду не затаюсь в дальнем уголке, меня сметут ко всем чертям! Подцепив пухлым пальцем алые трусики, Сара-Джейн стряхнула их в чашу. После чего жертвенный сосуд был водружен посреди шелкового молельного коврика (Турция, 18 век, еще одна разорительная антикварная причуда Стэнфорда).

Факелом послужил туго скрученный лист, выдранный из годового отчета мужа. Сара-Джейн предала трусики огню, сопровождая ритуал заунывным речитативом нецензурных выражений, – что несколько омрачило торжественность церемонии.

Кружево скукожилось, спекаясь в мерзкий комок и испуская черный вонючий дым, – похоже, это был полиэстер. От перегрева тончайшее стекло лопнуло и осыпалось, выплеснув зловонный огонь. Вскоре посреди ковра зияла обугленная проплешина со спекшимся черным пятном в центре.

– Полегчало? – спросила я.

– Дорогуша, это всего лишь горячая закуска! – И на лице ее снова появилась кривая ухмылка, полная мрачного торжества.

Основное блюдо Сара-Джейн заказала, уже вернувшись в Чикаго, в самом фешенебельном ювелирном магазине – неброские элегантные “гвоздики” от Картье с двухкратными бриллиантами. С такими можно и по бутикам в субботу прошвырнуться, и в соседнюю бакалею заскочить.

На доске передо мной уже громоздилась порядочная груда тонких, как бумага, ломтей курятины. Что значит хороший топорик. Увесистый, аккуратный, так ловко ложится в ладонь. Я купила его на распродаже в какой-то забегаловке в китайском квартале. Да, в покупках мне равных нет. Особый дар – нутром чувствую, где можно отыскать что-нибудь необычное.

В юные годы мы с Сарой-Джейн вдоль и поперек облазили все щели и закоулки Чикаго. Побочным продуктом наших блужданий явилось доскональное знание торговых точек огромного города. Так что, леди и джентльмены, обращайтесь, милости прошу! Ищете антикварные серебряные щипцы для устриц? Кошерную китайскую лапшу? Нуждаетесь в скальпелях для полостных операций, в уединенной берлоге, чтобы восстановить цвет лица после подтяжки? С ног сбились в поисках замшевого очечника в тон новому “порше”? Это все ко мне. Барбара Аверс избавит вас от любых затруднений.

Не прошло и десяти минут, как я пригласила домочадцев к ужину.

– Voila! – И я эффектным жестом выставила на стол большое блюдо. На расписном фаянсе покоилось обжаренное на постном масле белое мясо в окружении полусырых овощей.

Никто и головы не повернул. Семейная идиллия. Фрэнклин, сидя вполоборота к столу и вяло свесив руку со спинки стула, равнодушно изучает узор на ковре. Джейсон ссутулился, руки упрятаны глубоко в карманы и, судя по упорной ненависти во взгляде, показывают там кукиши моему шедевру здоровой кухни. Рикки, налегая локтями на край стола, из последних сил подпирает голову, будто боится уронить ее в тарелку.

Я наполнила стаканы со льдом столовой минеральной водой. Первым не выдержал Джейсон:

– Хочу, чтоб опять готовила София.

– Сядь ровно! – несколько нелогично отреагировала я.

Он с трудом выволок себя из-под стола, демонстрируя все повадки беспозвоночных.

– Хочу ее лепешек с мясом. – Это уже Рикки подлила масла в огонь.

– Да! – выдохнул Джейсон.

Я пристроила на тарелке Джейсона цуккини, морковь и брокколи, с другого края выложила кусочки курицы, доброжелательно заметив:

– Мексиканская стряпня Софии – это мертвый балласт, мусор для организма. Слишком много мяса, сыра и прочих ядов.

Рикки поспешно прикрыла свою пустую тарелку:

– Я не голодна.

– Как это не голодна? Нужно поесть. – Я попыталась прорваться сквозь заслон с ложкой овощей, но Рикки ловко выхватила тарелку. Капля мутного зеленоватого соуса осквернила белую скатерть. – Ну хоть чуть-чуть.

– Не впихивай в нее еду, – заговорил Фрэнклин, поворачиваясь ко мне. – Ты совсем как моя мать.

– Ничего подобного, – неуверенно возразила я. *Черт! Фрэнклин прав на все сто.* -Скорее уж, как моя бабушка.

– Вот именно, Барбара. В детстве тебя принуждали объедаться, отсюда и теперешние проблемы с весом.

Вот оно что! Он заметил, как меня разнесло. Честно говоря, только слепой не заметил бы. Но до сих пор Фрэнклин помалкивал, и я могла врать себе сколько влезет. Каждое утро, взгромоздившись на весы, я в ужасе отворачивалась от стрелки и дурила себя заклинаниями. А вдруг жир как-нибудь так откладывается, что его и не видно? Пока Фрэнклин молчал, моей беды словно и не существовало. Теперь одно его слово прорвало созревший нарыв.

– Нет у меня никаких проблем с весом! – взвилась я. – Кто угодно слегка поправится, если бросит курить...

Ну да, и начнет жрать большими ложками арахисовое масло и подчищать остатки ужина с тарелок своих домашних, воровато уединившись на кухне.

–Барбара, прошло уже два месяца. Хватит прикрываться отговорками.

– Это вовсе не отговорка, Фрэнклин, – процедила я, – а медицинский факт.

– Хорошо, и что дальше?

Лицо мое запылало. Я ослышалась или в его голосе действительно прозвучал металл?

– А дальше то, что никогда в жизни у меня не было проблем с лишним весом. – Я опустилась на изящный стул, предательски застонавший под мной. – Нет никакой проблемы. Так, ерунда. Небольшое отклонение – как при беременности. Скоро вернусь к норме.

Фрэнклин подмигнул детям, приглашая их примкнуть к Заговору Тощих.

– Хочешь сказать, это затянется на девять месяцев? – с невинным видом осведомился он.

Да как он смеет настраивать против меня детей? Я оглянулась в надежде на поддержку. Рикки и Джейсон с восторгом наблюдали за родительской ссорой.

Бросив курить, я срочно – пока не растеряла остатки здравого рассудка – созвала семейный совет. Лучше заранее предупредить домашних о возможных закидонах. К примеру, начну болтать не закрывая рта. Нет, я далеко не трещотка, но кто знает, вдруг меня потянет на излияния?

Поначалу дети оробели – настороженно приглядывались и прислушивались, не поехала ли у родительницы крыша. Словно ожидали, что вот-вот начнется извержение вулкана.

Но все как будто обошлось. Порой в недрах кратера что-то и грохотало, иной раз ощущались отдаленные толчки, но до извержения было далеко. Я не видела причин названивать на радиостанцию за бесплатной консультацией или рваться на прием к психоаналитику. Мне живо представлялся мрачный кабинет; потертая кожаная кушетка проседает под моей беспомощной тушей... дипломированный изувер терзает меня провокационными вопросами...

Отогнав наваждение, я собралась с мыслями и выстрелила в мужа убийственным аргументом:

– Я родила двоих, – кивок в сторону юных предателей, – и всякий раз возвращалась к сорока восьми кило. И сейчас вернусь.

– Не забывай, Барбара, тогда ты была куда моложе.

– Спасибо, милый, ты такой внимательный. Не упустишь случая напомнить, сколько мне лет! Возможно, теперь мне понадобится чуть больше времени... И кстати... – я чувствовала себя голодной собакой, загнанной в угол, – вот в эту самую минуту, когда вы все так злобно и несправедливо на меня ополчились...

Давай покороче, идиотка, а не то захлебнешься желудочным соком!

– ... Да-да, ополчились, и это после того, как я накупила продуктов, приготовила и подала вам эту идеально сбалансированную, крайне полезную и безусловно аппетитную пищу... *(Приберегиизысканные обороты для своей газетенки, пока с голодухи не померла.*– ... Так вот, теперь мне самое время достать сигарету и закурить. Но закурить я не могу. Остается одно – сию секунду взяться за вилку и слегка перекусить.

Блестящая речь, Толстая Барби! Рассчитываешь на бурю оваций?

Рикки осторожно произнесла:

– Понятно, ма, ты пытаешься похудеть. Но мы-то почему должны страдать?

Я долго еще открывала бы и закрывала рот в полнейшей прострации, как вдруг Фрэнклин дружески потрепал Рикки по волосам и мягко заметил:

– Разве это наказание – есть полезную пищу?

Милый, милый Фрэнклин! Прирожденный адвокат! Мы с супругом обменялись улыбками – я благодарной, он покровительственной.

– И все-таки, Барбара, маленькие излишества не так уж вредны. Покупай для них и обычные детские лакомства – когда попкорн, когда сладости...

Милосердный боже, он это всерьез?

– Хочешь кормить родных детей этим мусором? – ощетинилась я. – Ни витаминов, ничего, одни калории! А мне каково будет среди всех этих соблазнов?

– Что ж, придется нам всем проявить немного воли.

Как же, всем! Разве не ясно, на кого он намекает?

В нервном молчании я на глазок зачерпнула с блюда четыре "единицы" белков и четыре углеводов. Опять – в который раз! – забыла купить мерную емкость. Переложенная на тарелку, порция выглядела вопиюще скудной. Без долгих колебаний я подбавила и того, и другого.

– У Ника Тёрнера мать бросила курить, – вроде бы невзначай сказал Джейсон, с хирургической тщательностью удаляя из своей тарелки грибы и рядком выкладывая их на салфетку, – и набрала всего два килограмма. Даже незаметно.

– Еще бы. Как можно заметить два новых килограмма на такой фигуре, как у Джоэлль Тёрнер? – И я с удовольствием припала к ежевечернему бокалу сухого белого. Питательности в нем всего ничего, зато как примиряет с превратностями диеты. – И вообще, откуда Нику знать, сколько весит его мама? – Давай, Джейсон, вопрос на засыпку. Ты-то знаешь, сколько вешу я?

– У нее в аптечке, в пачке "тампаксов", засунута такая бумажка с записями – ну, на сколько кило она тянет каждый день. Сначала было шестьдесят пять с половиной, потом набрала шестьдесят восемь, но опять скинула.

– Ни черта себе! – Рикки ловко выудила из общего блюда корень сельдерея, поймала языком каплю соевого соуса и принялась обгрызать краешек. – С чего это Ник рылся в "тампаксах"?

– Карты искал. Говорит, мать всегда прятала их туда. Теперь никак не засечет новый тайник.

Захватывающую беседу оборвал Фрэнклин, в котором вдруг проснулся отец и воспитатель:

– Прекратите. Вы не копы из грошового сериала!

Я жевала, как сонная черепаха, рассчитывая подольше растянуть сиротливую порцию. Уже после первого кусочка брокколи я всем своим нутром почувствовала – из-за стола встану голодной. Понятно, такая перспектива не прибавляла добросердечия.

– Уверена, Джоэлль Тёрнер весит куда больше шестидесяти восьми.

– Бога ради, не злобствуй! – попросил Фрэнклин.

Тут уж я взвилась так, будто села на живую осу:

– По-твоему, я злобствую? Всего лишь констатирую факт. Будь я тонкой и стройной, ты бы меня так не обозвал! Стройным почему-то верят на слово...

– Верно. Особенно когда они обсуждают, кто сколько весит, – сухо подытожил мой домашний адвокат.

Мы пережевывали полезную пищу в гнетущей тишине. Не далее как пару месяцев назад я встретила Джоэлль – на вид в ней было добрых семьдесят пять. Такие, как она, упрямо отказываются переходить к одежде следующего размера.

Джоэлль одержимо втискивает себя в узенькие молодежные тряпки, которые безжалостно подчеркивают ее дряблую кожу и рыхлые телеса. Жалкое зрелище – увядшая "нимфетка", растущая вширь, а не вверх! Тугие эластичные топы с глубоким декольте немилосердно сдавливают обвисшую грудь, которая несуразно бугрится под яркой тканью там, где обычно бывает талия. Круглый живот в обтягивающих розовых слаксах выпирает огромным мячом – эдакий ходячий желудок на жирных ножках.

Если в ее доме и есть нормальное зеркало во весь рост, она вряд ли в него смотрится. Мне ли не знать! Честно говоря, в последнее время меня тоже как-то не тянуло в зеркальное святилище Фрэнклина и я ограничивалась крохотной гостевой ванной с одним небольшим

зеркалом, висящим на уровне глаз. От плеч до макушки я хоть сейчас годилась для обложки “Вог”.

Между тем Фрэнклин подчеркнуто неторопливо промокнул губы салфеткой и небрежным жестом бросил ее на тарелку.

– Что случилось? – спросила я.

– Все в порядке. – И он деловито слазил зубочисткой к дальним коренным зубам. – Просто заметил, что норовлю подъесть все до крошки, сколько мне ни положи. Маленькая порция или огромная, голоден я или нет – все равно. Согласись, мне самое время последить за собой.

Фрэнклин откинулся на спинку стула. Худое лицо, атлетические плечи, подтянутый живот. Я уткнулась носом в тарелку, глотая закипающие слезы и бережно подбирая последние капли соуса рыхлым хлебом из цельного зерна.

Фрэнклин ведь руководствуется самыми добрыми побуждениями. Пытается незаметно, не показывая вида, подкинуть полезный совет. Бедный мой будущий сенатор, бесконечная возня с собратьями по партии и избирателями не прошла для него даром! Он уже отвык от людей, использующих голову не для выкрикивания лозунгов, а для того, чтобы думать, – а ведь женат как раз на таком человеке.

Медленно проглотив хлебную корку, я запила ее последним глотком вина, отставила вылизанную до блеска тарелку и поинтересовалась:

– Кто хочет прогуляться?

– По телику бейсбол, – тотчас отозвался Джейсон.

– Уроков много, – нашлась Рикки.

Фрэнклин вовсе не удостоил меня ответом. Зазвонил телефон, и Рикки, сорвавшись с места, сцапала трубку прежде, чем раздалась вторая трель. В следующую секунду она с крайне раздосадованным видом подозвала отца:

– Тебя. Какая-то женщина. Фрэнклин чуть ли не танцующим шагом скользнул к телефону. Или мне померещилось?

– Алло? Ах, мисс Пембрук, добрый вечер. *Вот как? Ах-ах-ах, мисс Пембрук?*

–О нет, даже и не думайте тревожиться о расходах. Деньги – не проблема.

Очередное поразительное открытие. Чтобы Фрэнклин не тревожился о расходах? У нас есть все, что только душе угодно, но ему мало. Он обожает дорогие машины, шикарную одежду и фешенебельное жилье, но его щедрость никогда не простиралась дальше показных трат. Едва дело доходит до вещей не столь престижных, как в нем просыпается Гобсек на пару с дядюшкой Скруджем. Он кичится своим богатством и в то же время боится снова впасть в нищету.

В столовой повисло угрюмое молчание, только Фрэнклин журчал, прижав к уху телефонную трубку.

Сигарету!

Сигареты нет. И уже не позвонить Саре-Джейн, забившись в какой-нибудь укромный угол. Оставалось одно – схватить хвостик сельдерея с тарелки Джейсона и мрачно грызть эту гадость.

– Придется ненадолго отлучиться в избирательный центр, – сказал он, оторвавшись наконец от телефона.

– Вот как? Кстати, кто звонил?

– Эшли Пембрук. Новый заместитель по связям с общественностью, ее нашел Розенталь. Нам необходимо кое-что обсудить.

– Отлично! Я с тобой, помогу с записями.

– Не стоит, я ненадолго.

– Наверняка надо надписать и заклеить тонны конвертов. Напечатать что-нибудь...

Он выдержал паузу, качаясь с носков на пятки, и смерил меня испытующим взглядом.

– Ты вроде бы ненавидела политику...

– При чем здесь ненависть? Я всего лишь равнодушна к политике. Просто подумываю о каком-нибудь занятии вне дома, мне бы пошло на пользу...

– Здравая мысль, – сдержанно одобрил Фрэнклин. – Что-нибудь на общественных началах – мыть полы в больнице, разносить заказы инвалидам. У меня сотрудников больше чем достаточно. Кроме того, не думаю, что заклеивание конвертов в мягком кресле – именно то, что тебе сейчас нужно.

Вызванная звонком София вихрем скатилась с лестницы, грохоча каблуками. Да, в положении супруги будущего сенатора есть по крайней мере один плюс. Не приходится возиться с грязной посудой.

Из спальни Фрэнклин появился в кожаном пиджаке. Это одна из его “особых” вещей.

– И по какому случаю? – словно бы невзначай обронила я.

– Что? А, ты про пиджак... – Фрэнклин хмыкнул, пожимая плечами и любовно оглядывая свое отражение в стеклянной кухонной двери. Открыл шкаф и сам удивился: за каким чертом на вешалке четыре года болтается отличная вещь, которую я и трех раз не надевал? И представь, впервые в жизни не нашелся что ответить!

Он направился к двери.

– Подожди.

Фрэнклин остановился. Я набросила на плечи жакет и сгребла с подзеркального столика сумочку.

– Подбросишь меня до аптеки.

– Я думал, ты хочешь прогуляться пешком.

– Прогуляюсь на обратном пути. Надо кое-что купить.

Таблетки для похудения были выставлены в дальнем конце аптеки – точнее, втиснуты между пачками гигиенических салфеток и одноразовыми спринцовками. Бедные толстяки, везде-то их теснят. В помещении не было ни души, только кассир скучал у входа. Я неприкаянно помыкалась у шкафчика с пластиковыми банками, попыталась издали вчитаться в этикетки, но все показались совершенно одинаковыми.

Вскоре, однако, в аптеку ввалилась толпа озабоченных молчаливых людей. Очевидно, на ближайшую станцию прибыла электричка из центра и усталые трудяги спешили по дороге домой нахватать сигарет, батареек, журналов и прочей ерунды.

Я набралась решимости и под шумок пробралась к шкафу с таблетками. Грызло чувство собственной неполноценности: казалось, все прочее человечество разом сделалось стройным, элегантным, уверенным в себе и только я утратила право называться человеческим существом. Свалиться с вершины красоты и привычного успеха прямо на копчик оказалось болезненно и ничуть не смешно. Я пыталась подтрунивать над своими терзаниями, но вместо жизнерадостного смеха все чаще выходил какой-то жалкий скулеж.

Улучив момент, когда схлынет волна покупателей, я смахнула с полки первую попавшуюся упаковку таблеток, запрятала ее между “Вог” и “Космополитен” и как ни в чем не бывало двинулась к кассе.

Прилавок из мутной пластмассы, похоже, расколошматили и кое-как укрепили скотчем еще в доисторические времена. Как водится, он сплошь был уставлен коробочками с грошовыми “чупа-чупсами”, жвачкой, ядовито-розовыми съедобными змеями и прочей дрянью. Вот только пропали, точно и не было никогда, крохотные пузыречки с настойкой рвотного корня.

Тут же припомнился недавний скандал. Оказалось, что худосочные старшеклассницы едва ли не поголовно лакают это дерьмо, переев пиццы. Общественность, ясное дело, подняла жуткий вой, и родительский комитет пригрозил аптекарю бойкотом. С тех пор лаком-

ство юных анорексичек бесследно исчезло из продажи. Бедные. Как им теперь уберечь от жировых отложений свои тощие ляжки?

На месте тошнотных склянок теперь разместился лоток с манящими коробочками в серебряных обертках. Шоколадные пирамидки! Я застыла, пожирая их голодным взглядом. Шутник аптекарь подменил рвотное воплощением пищевого соблазна!

Сказочные шоколадки, словно машина времени, перебросили меня в ту аптеку, мимо которой мы с Сарой-Джейн ежедневно пробегали по пути из школы. И всякий раз заскакивали за маленькой упаковкой пирамидок. Как было классно смаковать их на ходу, запивая шипящей колой!

“Даже вкуснее, чем в детстве!” – заверяла надпись на желтой бумажной ленточке. “Настоящие шоколадные пирамидки!” – вопили буквы на крышке. Эти нынешние вроде бы тоньше и меньше прежних... Я вытащила из контейнера коробочку, взвесила на ладони. Тут же навалились вкусовые галлюцинации двадцатилетней давности, и моей измочаленной силе воли пришел конец.

– Прекрасно помню, что такое настоящие пирамидки, – сообщила я толстому кассиру.

Он оторвался от “Пентхауза” и вытер нос рукавом. Ну и манеры у этого человека...

Я потрясла перед ним серебристой коробочкой:

– Прежде “Настоящая пирамидка” была увесистой, из первоклассного горького шоколада... *(Черт, полон рот слюны!)*А обертка из плотной серебряной фольги снималась снизу вверх.

Я нетерпеливо поскребла коробку, но какой-то урод намертво запаял ее в полиэтилен.

– Внутри вся была набита орехами...

Яростно рванув полиэтилен зубами, я добралась до вожделенной коробочки и ободрала с нее никчемную блестящую шелуху. Под крышкой обнаружились всего четыре конфетки, каждая в отдельном гнезде.

– И это они называют настоящими пирамидками?! Правда, дерьмо? Орехов мало, макушку обрубили. Вышла какая-то ублюдочная шоколадная медаль!

В затуманенных глазах кассира мелькнула тень осмысленной жизни. Парень навалился на прилавок рыхлой бабьей грудью и ухмыльнулся до того презрительно, словно он-то и изобрел шоколадные пирамидки. И конечно, предупреждал нынешних придурков-кондитеров, что своими экспериментами они ничего путного не добьются.

– Ни хрена их не покупают, – проворчал он. – И колу тоже. Что только в башке у этих козлов, менеджеров? Зашли бы в магазин, поговорили бы по-людски. Нет, рушат нам всю торговлю своими говенными выдумками. Понасовали чертовых тянучек в карамель. А чего стоят поганые тонкие вафли – это же сырой картон!

Я кивала с согласной улыбкой, а сама скрежетала зубами. Меня обуревали ожившие воспоминания, побуждая сунуть в рот все четыре конфеты разом. Дрогнувшей рукой, словно отрывая с мясом самое дорогое, я протянула кассиру одну из них:

– Может, попробуете?

Пусть считает, будто я нашла в нем родственную душу. На самом деле просто терпеть невмоготу – умру, если не съем шоколад прямо сейчас, не стронувшись с этого места. Грязный ублюдок принял дар не колеблясь, и конфета исчезла за толстыми, как у сома, губами. Вторую конфету я поднесла ко рту, лизнула, откусила крохотный кусочек и закрыла глаза, отдаваясь захватывающим ощущениям. Боже, феерия, симфония вкусовых оттенков и полутонов!

А ведь я давно забыла, какое это волшебство! Интересно, вкус тот же? Да вроде похож. И орехи, и шоколад... Последняя крупинка истаяла на языке, оставив *то самое*неповторимое послевкусие.

– Лет двадцать не покупала себе конфет, – разоткровенничалась я. – А то и больше.

Кассир с сомнением оглядел меня с головы до ног. Да уж, фигура не для “Пентхауза”! Под его пристальным взглядом я нервно одернула жакет. Пустая попытка прикрыть раздавшиеся бедра.

– Так сколько с меня?

Поскучнев, он завозился с кассой. Пирамидки потянули на сорок центов. А та последняя, купленная в детстве коробочка обошлась мне всего в пятак. Тем более нужно съесть все до последней крошки.

Еще бы глоток колы, запить шоколадную сладость. Но кто усядется рядом со мной на автобусной остановке с большим картонным стаканом шипучки? С кем я смогу поболтать и посмеяться? С кем стану дружно дуть в соломинку, взбивая колу в неприлично хрюкающие пузыри? Только совсем уж отпетые хроники пьют в одиночку.

Парень грохотал допотопной кассой. За его спиной маячили ряды сигаретных пачек. Целлофановые обертки не помешали мне уловить аромат табака.

У *тебя депрессия, и сама по себе она не исчезнет.*

Губы чувствовали прохладный гладкий фильтр.

Не депрессия, а абсолютное умопомешательство!

Табачный дух проник в нутро легких.

Пачка сигарет – и прощай жирная задница.

–И как, помогают? – Прозвучавший невпопад вопрос вернул меня в действительность.

Кассир вертел в пальцах-сосисках мои таблетки для похудения. Я невольно огляделась. Смотрите все: девственница впервые в жизни покупает презервативы.

Впрочем, зрителей не нашлось, зал давно опустел. Я выдавила товарищескую улыбку:

– Если поможет, непременно поделюсь опытом.

Бесцеремонный урод наконец сунул флакон в пакет. Я снова посмотрела на сигареты, задыхаясь от нехватки никотина. Хлипкий пакет разорвался по шву прямо в руках кассира, тот чертыхнулся с одышливым присвистом, высыпал мое барахло на прилавок и зашуршал новым пакетом.

Мои ладони вдруг заледенели и покрылись омерзительно липким потом. Неправдоподобно яркие картинки-воспоминания замелькали на фоне аптечных полок и витрин.

В четырнадцать лет мы с Сарой-Джейн запирались в ванной и украдкой дымили, деля на двоих сигарету, стянутую из бабушкиной пачки “Кента”. Потом откочевали в страну ковбоев “Мальборо”, а став респектабельными дамами, перешли на более элегантные “Салем” и “Мор”. В конце концов я остановилась на ментоловых “Бенсон и Хеджис”. Сара-Джейн предпочитала покрепче, а эти и за сигареты не признавала. Игрушка для сосунков, мол. Но ведь помогали же...

Начну с пачки “Кэмел”. Двадцать замечательных, крепких сигарет в упаковке с верблюдом. Это и будет настоящая тризна по Саре-Джейн. Она ведь не приняла бы от меня такой жертвы. Что за наваждение на меня нашло? Пусть курение станет для меня священным ритуалом, и дым душистыми кольцами возносится прямо к ней.

Мне бы только до дома домчать! Запрусь в спальне и разом наверстаю упущенное. Устрою настоящий никотиновый марафон – стану прикуривать одну сигарету от другой, а то и по две сразу! Забью окурками огромную супницу, а заодно и бездонную дыру, что высасывает остатки моего рассудка.

– Так что, скажете про таблетки?

Кассир подвинул ко мне пакет, хрипло отдышался и нашарил под прилавком пачку “Мальборо”. И этот метит в ковбои. Защелкала дрянная зажигалка. Прикурив, он выпустил в меня плотную струю дыма:

– Вот, подумываю сбросить килограмм-другой.

Я молча заглатывала никотиновый смрад. Уже на третьей затяжке курильщик разразился клокочущим кашлем и осел на табурет. Верный претендент на кислородную подушку...

Господи, а вдруг я снова начну курить, но так и не перестану есть? Отвратительнее жирной тетки может быть только жирная тетка, смолящая пачку за пачкой. Да, я все равно любила Сару-Джейн. Но меня-то кто полюбит? Уж точно не Фрэнклин. Свинцовой тучей наползло воспоминание – муж, летящий на деловое заседание в "особом" пиджаке.

Моя запланированная прогулка продлилась ровно три шага, от дверей аптеки до автобусной остановки. В тот же миг, как по заказу, подъехал пустой вечерний автобус и прямо передо мной с шипением раздвинулись двери. Редкий маршрут – обычно его пускают только в Дни Гая Фокса[4], и то через сутки. Я побренчала сдачей. Как раз на билет. Очевидно, это перст судьбы. Только идиоты противятся прямым указаниям свыше.

Не беда, вряд ли я заметно поправлюсь до утренней прогулки с Кэтлин. Спорт спортом, но нездоровый фанатизм – та же крайность. И потом, в автобусе я успею внимательно изучить инструкцию к волшебным таблеткам.

Мне случается бывать на редкость убедительной в спорах с самой собой.

Всю дорогу я вчитывалась в аннотацию к чудо-таблеткам и не понимала в ней ни слова. К реальности меня вернул голос водителя, объявивший мою остановку. В автобусе я оказалась совершенно одна, да и за окнами не было никого и ничего. Вообще ничего – так низко и плотно лежал наползший с озера туман. Водитель пожелал мне не переломать ноги, и я неохотно шагнула из безопасного салона в мутное марево.

Чугунные фонари с изогнутыми под старину шеями были едва различимы, и размытые круги их приглушенного туманом света плавали в белесой пелене. Еще недавно я сравнила бы их с акварельными размывами на влажной рыхлой бумаге, теперь же в голову лез только один образ – "густой как студень". Мне казалось, я угодила в громадную миску какого-то дрожащего темного варева, а в самой толще смутно маячили половинки яиц с бледными желтками.

Пока автобус неторопливо отчаливал от остановки, я стояла, осваиваясь во мгле, и вдыхала острый перечный аромат. Готова спорить на что угодно – это молотый черный перец и жгучий соус из помидоров и чили! Ну, все ясно. Мой дом всего в полутора кварталах и как раз с подветренной стороны от такое – мексиканских лепешек, что жарит у нас на кухне София. *Безобразие, только я за порог...*

Я облизнулась. Шоколадные пирамидки слегка заморили поселившегося во мне ненасытного червяка, но в желудке хватило бы места еще для чего-нибудь. А потом еще для чего-нибудь, и еще... Прежде я беспрестанно жевала только раз в месяц, когда смягчала предменструальный синдром. Но теперь, похоже, умудрилась отделить симптомы от первопричины.

Если плестись нога за ногу, то, пока доберусь, лепешки благополучно канут в Лету. И я не спеша двинулась к благоухающему пряностями дому, смутно белевшему в мягкой влажной мгле. Неторопливая прогулка способствовала размышлениям. Определенно, я сумею справиться с этим пищевым безумием. Просто обязана. Ведь сейчас уже не могу надеть свои любимые тряпки. С такой комплекцией и на милю не рискну подойти к тому элегантному загородному клубу, где привыкла коротать жаркие летние дни. Так и слышу шепоток у бассейна: "Видели Барбару?", "Что с ней стряслось?", "Просто не верится, что можно так себя запустить!"

В былые годы я и сама любила поиронизировать подобным образом. Устраивалась в шезлонге, вытягивала стройные ноги и полеживала, пуская клубы дыма. Пых-пых. И от всей души изумлялась, как же иная особа может до такой степени себя запустить. Причем изум-

[4] Гай Фокс – организатор "порохового заговора" против английского короля Якова I и членов парламента 5 ноября 1905 г. В ознаменование этой неудачной попытки поджога проводятся ежегодные огненные карнавалы.

лялась вслух. О, разумеется, из самых добрых побуждений! Пых-пых. На случай, если располневшая неудачница каким-то чудом исхитрилась не заметить, что расползлась. Так пусть видит – я сочувствую ей и искренне надеюсь, что она скоро придет в норму. И так далее, попыхивая сигаретой.

Рядом лежала под зонтом Сара-Джейн, окутанная облаком многослойных фантазийных одеяний, в сногсшибательной широкополой шляпе. Она тоже осуждала толстух, кивала и поддакивала так покровительственно, словно сама была стройной, как топ-модель. Ее ниспадающие пышными волнами балахоны не были пустой прихотью – Саре-Джейн хватало ума скрывать от мира свое бесформенное тело. В отличие, кстати, от Рамоны Салтер. Та словно нарочно выставляет свою тушу напоказ. Так и выпирает из куцых юбчонок и глубоких декольте, будто тесто из квашни. Не зря ведь она тратилась на билет во Францию – страну 90-килограммовых матрон, резвящихся с баскетбольным мячом на золотистых песках Ривьеры. Причем в одних только трусах.

Неожиданно в тумане передо мной неясно обозначились какие-то тени, и я резко остановилась. Двое мужчин двигались в том же направлении, что и я. Один сильно шатался, хотя и держался за другого. Пьяные? Или наркоманы? До меня отчетливо доносилось хриплое, натужное дыхание, клокочущее, как воздух в акваланге. А впереди еще целый квартал. Много чего может случиться за квартал от дома.

Держась друг за друга, подозрительные личности преодолевали темный промежуток между двумя фонарями. Я вскинула голову и прибавила шагу. Ладно, господа громилы, отнимайте, если хотите, мою сумку, косметичку и дамские журналы, но клянусь папой, только протяните грязные клешни к чудодейственным таблеткам, и вы – трупы! Будущие трупы рывками двигались вперед и в клубящейся тьме казались единым фантастическим существом – пьяным и к тому же с кандалами на всех четырех лапах.

Жуткое зрелище, но, черт возьми, отец недаром учил меня никогда не трусить. Призвав на подмогу раннее издание самой себя – пробивную нью-йоркскую нахалку, преспокойно лавирующую между бесчувственными телами алкашей по дороге в школу, я устремилась вперед, словно вся улица принадлежала мне. Плевать на эту парочку – Джека-потрошителя и Бостонского Мясника, бредущих под траурной пеленой тумана.

– Хватит, – хрипло прорычало четырехлапое чудовище.

Вторая голова забубнила что-то увещевательное, но слов было не разобрать. Первая снова раздраженно засипела:

– Еще две минуты, еще два часа! Какая, к черту, разница? Сказал – хватит, значит, хватит! Все, иду домой, а ты как хочешь!

Я как раз проходила мимо, когда маньяки затеяли забаву “тяни-толкай”.

– Добрый вечер, – прорычал тот, что рвался домой.

Я вздрогнула от неожиданности и пролепетала, невольно цепенея:

– Добрый вечер...

Вперед, Барбара, только не останавливайся. И не вздумай пялиться на них. Краем глаза я уловила, что согбенный убийца виснет на каких-то деревянных подпорках. Костыли? Дешевый трюк – мерзавцы рассчитывают усыпить мою бдительность. Я уже почти миновала преступников, теперь они оказались сзади. Дряблые мышцы на моем ожиревшем загривке напряглись сами собой в ожидании удара костылем.

И в этот драматический момент меня вдруг окликнул знакомый голос:

– Барбара, ты?

Господи, какое облегчение! Я шумно выдохнула и опустила ноющие от напряжения плечи.

– Кэмерон! – И я расхохоталась преглупым счастливым смехом. – Никогда в жизни так не радовалась тебе, как сейчас! А все этот проклятый туман – из-за него какая только чушь не лезет в голову!

Я повернулась к его спутнику, и банальные приветствия застряли в горле, а светская улыбка закоченела на губах, словно на бездарных фотоснимках, где люди идиотски скалятся в объектив.

Лоб согнувшегося едва ли не пополам незнакомца пересекала глубокая рана, стянутая черными стежками швов. Грубый свежий шрам вспарывал бровь, нырял под пиратскую повязку, закрывавшую глаз, и змеился вниз по щеке. Острое лицо, перекошенное гримасой боли, выглядывало из массы иссиня-черных курчавых волос, жестких, как стальная стружка.

Кто он такой – индус, итальянец? И сколько ему лет? Не то тридцать пять, не то сорок пять – не разберешь. И что приключилось с ним? Что скрутило его в дугу, превратило в полумертвую развалину, всю жизнь которой, казалось, сосредоточил в себе единственный уцелевший глаз? Бледно-голубой, прозрачный и такой же призрачный, как туман, в котором он мерцал, этот глаз притягивал меня, гипнотизировал и тревожил. Я старалась отвести от него взгляд и не могла.

– Знакомься, Барбара, это мой добрый друг, Мак Паркер.

Голос Кэмерона, такой привычный и обыденный, отвлек меня. Я перестала бесцеремонно разглядывать калеку и смогла наконец нормально вздохнуть и вполне непринужденно протянуть ему руку:

– Рада познакомиться.

Человек грузно навалился всем телом на один костыль, высвобождая руку для приветствия. Узкая ладонь скользнула к моей, он ухватил мои окоченевшие пальцы и стремительно поднес к губам.

– Очень приятно. – Он поцеловал мне руку, прежде чем я успела отнять ее, и вопросительно добавил: – А вы?..

– Барбара Аверс, – вмешался Кэмерон и со значением прибавил: – Миссис Барбара Аверс. Счастливая жена и мать двоих очаровательных подростков.

Глаз Мака в упор разглядывал меня:

– Очень рад за вас.

Трезвомыслящий Кэмерон решительно взял дело в свои руки:

– Эй, Мак, не увлекайся. Пойдем, Барби, я провожу тебя.

– Но ты ведь не один, – растерянно возразила я.

– Вот именно, – поддержал Мак, – между прочим, не один.

– Мак только что жаловался на усталость. – Кэмерон ухватил меня за локоть и повлек в туман. – Он слишком измотан. Ничего, сейчас отдышится и вернется ко мне домой. Надеюсь, не заблудится.

Я не знала, что и думать. Ведь Кэмерон вообще-то невероятно отзывчивый человек и к тому же воплощенная вежливость. В полной растерянности я принялась шепотом уверять его, что прекрасно доберусь и одна. Но Кэмерон мягко сжал мою руку:

– Поверь, Барбара, я знаю, что делаю.

Сзади раздался хриплый голос Мака:

– И далеко вы живете, миссис Счастливая Жена?

– Достаточно далеко, – отозвался Кэмерон. – Тебе не дойти.

Костыли торопливо застучали по каменным плитам дорожки.

– И все-таки?

– И все-таки далеко! Тебе не дойти, так что отправляйся домой, а я провожу Барбару.

Отповедь явно не пришлась Маку по вкусу, и он проворчал:

– Ну, мне вроде полегчало. Дойду, пожалуй...

Мы остановились, поджидая его. Мак заспешил судорожными рывками, выбрасывая вперед костыли и с усилием подволакивая ноги. Видеть это было больно, я постаралась незаметно отвести взгляд.

– Только не спрашивай его ни о чем, – едва слышно предупредил Кэмерон. – И не пытайся помочь. А самое главное – ради бога, никаких знаков сочувствия!

– Э-э, – я поискала безопасную тему, – как насчет “Чикагских медведей”?

Кэмерон ухмыльнулся:

– Хорошая идея. Жаль только, футбольный сезон еще не начался.

– Ладно. Как поживает Мирна? *И где, черт побери, потрепало твоего друга с таким сексуальным взглядом?*

–Трудится. Отчетные заседания и официальные ужины. Ты же знаешь мою жену, командует целой кучей комитетов и обществ, и все они разом закрываются на лето.

– Как только она управляется со своими бесчисленными обязанностями? – Я прислушалась к шарканью Мака. – Похоже, ее сутки куда длиннее моих.

– Она с чем угодно справится.

Кэмерон был без ума от своей жены. Сара-Джейн отказывалась верить в такую неугасимую страсть. Год за годом она ожидала, что вот-вот скрытый нарыв прорвется скандальным разводом. Интересно, а как обо мне говорит Фрэнклин?.. С гордостью? С нежностью? И говорит ли он обо мне вообще хоть как-нибудь?!

Мак наконец доковылял до нас. Я невольно подавила в себе желание пригладить его влажные космы.

– Ну что? – прохрипел он.

– Осталось всего полквартала, – ответила я. Железные пальцы Кэмерона стиснули мой локоть и бесцеремонно поволокли меня вперед.

– Всего-навсего, – донесся сзади хрип Мака. – Забавная леди эта миссис Аверс!

Но в следующее мгновение снова сердито зацокали костыли.

– Неужто я похожа на морковку, за которой из последних сил тянется рысак?

– Рысак? Уж скорее мул. Такой же упертый. И кстати, от него лучше держаться подальше. Кусается. – Кэмерон втянул в себя воздух: – М-м-м... Чем это пахнет?

– Лепешками Софии. – В его глазах я уловила нескрываемый голод. Это чувство было мне знакомо. Слишком знакомо. – Так вы не ужинали?

Кэмерон смущенно развел руками:

– У нас с Маком сегодня холостяцкий вечер. Думали заказать пиццу.

– Тогда заглянем к нам и посмотрим, осталось ли что-нибудь на кухне. Кроме того, твоему другу явно не мешает передохнуть.

Мы уже подошли к дому. София не подвела. Даже армия кубинских революционеров не сумела бы прикончить такую гору еды. Все четыре конфорки полыхали адским пламенем. В чаду и брызгах раскаленного масла София парила над сковородами, превращая лепешки в шкворчащие хрусткие раковины. Рикки и ее подружка Сарна щедро наполняли их обжаренным со специями фаршем и передавали Джейсону, а тот со своим приятелем в четыре руки подкладывали нарезанные кубиками помидоры и нашинкованный салат.

– Посторонитесь-ка, – рявкнула я, изо всей силы грохнув дверью.

Рикки вскинула виноватые глаза:

– О, привет, мам. Здравствуйте, мистер Брэйди!

– Привет, ребята. – Кэмерон по-свойски расположился верхом на стуле во главе длинного стола, восторженно обозревая все это великолепие.

Я молча гремела тарелками и вилками, расставляя приборы для гостей и испепеляя Софию худшим из своих взглядов. Та упорно отворачивалась, не отлипая от плиты, – только

упрямо задрала плечи в безмолвной укоризне. И впрямь, что она могла поделать? Рикки и Джейсон ей как родные. Надо же накормить несчастных изголодавшихся детей.

Моя новая религия казалась ей полной бессмыслицей. Как только иные обходятся без сахара, сдобы и жареного? И что заставляет их отказывать себе в таких безобидных продуктах? София была просто физически неспособна приготовить ту преснятину, какую заказывала я, так что мне пришлось самой взяться за стряпню. И с тех самых пор София с молчаливой покорностью наблюдала, как легкие и питательные блюда из репертуара “Заслона” (“Попробуйте, их полюбит вся ваша семья!”) нетронутыми перекочевывали с обеденного стола в холодильник, потом в самый дальний его угол, а оттуда – покрытые веселенькими крапинками плесени – в мусорное ведро.

Перемещаясь между буфетом и столом, я не утерпела и словно невзначай ткнула Рикки локтем. Смущенная дочь тут же начала оправдываться:

– Мама, мы решили помочь Софии...

– Подробности меня не интересуют! – отрезала я. – Джейсон, думаю, ты уже покончил с ужином. Будь добр, передай блюдо с лепешками мистеру Брэйди. А ты, Рикки, отклейся от стола и принеси из дальнего холодильника пару бутылок пива похолоднее.

Дочь выстрелила в меня взглядом и с неохотой отправилась в подвал. У стеклянной входной двери Рикки вдруг замерла как вкопанная.

Мак! Я так ослепла от бешенства, что совершенно забыла о нем.

Исполненная раскаяния, я бросилась навстречу гостю. Его лицо было мрачнее тучи. Не сомневаюсь, сегодня он впервые демонстрировал свои шрамы и костыли столь многочисленному обществу. Кэмерон успел предупредить меня, что необходима деликатность, а мне и в голову не пришло сделать внушение своим отпрыскам. Рикки испуганно выглядывала из-за моего плеча.

Я распахнула дверь пошире:

– Могу чем-нибудь помочь вам, сэр?

Его лицо слегка смягчилось:

– Да, благодарю вас. Я только что пересек из конца в конец пустыню Сахара. Могу надеяться на лепешку-другую?

– Конечно. – Я отступила, пропуская его. Рикки во все глаза смотрела на скрюченного ночного визитера, по-крабьи вползающего в нашу мирную кухню.

– Прекрати пялиться, – прошипела я на ухо дочери, подталкивая ее в сторону подвала. – Принеси-ка лучше три бутылки.

Джейсон с приятелем в возбуждении ерзали на своих табуретах, пихая друг друга локтями *(посмотри-ка, кореш, вот это чучело!).*Шрам через все лицо и бандитская черная повязка явно произвели впечатление. Рикки с небывалой скоростью слетала в подвал – обычно ее туда как за смертью посылать.

Втискиваясь в кресло и располагаясь поудобнее, Мак чуть слышно крякнул от боли, и это был единственный звук на фоне всеобщего молчания, нарушаемого только шкворчанием лепешек на плите.

Я вынула ледяные бутылки из рук оцепеневшей Рикки.

– Если мне не изменяет память, ты была прямо-таки перегружена домашними заданиями?

– Да, решили подготовиться к тесту вместе с Сарной, – заискивающе пролепетала она.

– Для возни с лепешками ты время нашла. Так почему было не погулять с матерью?

Это из-за тебя я уничтожила коробку шоколадных пирамидок. Жертва я, жертва! А если б ты пошла со мной, я не села бы в автобус. Так что твоя вина, твоя, твоя!

–Прости, – вздохнула Рикки.

Вместе с Сарной они ретировались на второй этаж – прихватив блюдо с лепешками и бутылку колы из заначки Софии.

Мои воспитательные порывы запоздали на пятнадцать лет. Чувство вины надо внушать с самого рождения. Сара-Джейн обзавелась этим чувством в церкви, которую неустанно посещала. Меня наградила тем же подарочком бабушка. Я же так стремилась всегда и во всем быть Идеальной Матерью, что позабыла передать собственным детям эту фамильную ценность.

Джейсон с приятелем выкатились во двор и устроили там шумную возню. Они тоже благополучно обходились без моего общества. Я уселась за стол, где гости уже с удовольствием уплетали сочные лепешки. Мак откусил от своей едва ли не половину и теперь жевал, мечтательно закрыв глаза, словно погруженный в священный ритуал.

– Божественно! – вымолвил он наконец. Я затылком ощутила ликующее сияние, озарившее лицо Софии. Схватила лепешку, откусила и замерла в упоении, смакуя тончайшие оттенки своих ощущений. Вот он, восхитительный миг, когда вкус любимого блюда раскрывается во всей полноте, словно цветок!

М-да, представляю, что за вид у меня будет поутру. Заплывшие глаза, отекшие ноги, опухшие пальцы... Самое оно для статуи Будды, но никуда не годится в современной Америке. Едва мне минуло тридцать пять, как начались фокусы с обменом веществ. Стоило отведать копченого, соленого или острого, и меня разносило, как воздушный шар. Веки надувались изнутри, и узенькие щелочки-глаза норовили совсем заплыть – экзотическая восточная красавица с плоским, как блин, лицом.

Лишь утолив голод и лениво пожевывая уже из чистой склонности к излишествам, мы начали разговор. Я сделала знак Софии, чтобы она прекратила поставлять нам лепешки.

– Как жизнь? – поинтересовался Кэмерон.

– Все прекрасно, как всегда. Фрэнклин начал борьбу за кресло сенатора.

– Да-да, слыхал. Удачи! Тебе, наверное, и присесть-то некогда?

– Не сказала бы. Вообще-то пока мне ничего и не поручали.

Ненавижу эти жалостливые интонации, но остановиться я уже не могла. Так хочется чувствовать себя нужной... или хотя бы полезной... Мак обмакнул очередную лепешку в соус.

– Миссис Аверс, а что вы делаете, пока мистер Аверс окучивает избирателей?

Я потеребила бумажную салфетку, потом стала методично отрывать от нее мелкие клочки и укладывать их кучкой перед собой. И куда только люди пристраивают руки, если не держат в них сигарету?

– Веду субботнюю колонку для Кэмерона.

– Похоже, в этом районе все поголовно пишут для “Глоб”.

– Мы сейчас встретили Франсину и Роналда, – объяснил Кэмерон.

– Мы с Кэмероном первыми поселились здесь, – усмехнулась я. – Но газетчики и впрямь норовят держаться стаями. Эванстон[5], Гайд-парк – шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на журналиста. Впрочем, я уже почти и не журналист. Так, кропаю понемногу. Кэмерон печатает мои заметки раз в неделю – помогает поддерживать себя в форме.

– Кэмерон не способен на жалость, – возразил Мак. – Надо мне самому почитать ваши работы.

– Лучше возьмите подшивку за прошлый год. Недавно умерла моя подруга, и с тех пор у меня все пошло кувырком...

Тут я осторожно глянула на главного редактора. Не мог же он не заметить, до какого убожества докатилась моя субботняя колонка? Но Кэмерон с сочувствием произнес, коснувшись моей руки:

---

[5] Эванстон – город в штате Иллинойс.

– Очень жаль Сару-Джейн. Мне в самом деле очень жаль. Она была замечательным человеком.

В глазах защипало. Опять. Я всхлипнула и растерла слезы по щекам. От салфетки осталась кучка мельчайших бумажных хлопьев, я аккуратно подровняла ее и буркнула:

– К тому же пытаюсь бросить курить.

– Здорово, – обрадовался Кэмерон. – Говорят, это тяжелее, чем соскочить с героина.

– Вот таких слов мне не хватало. – Я поправила блузку. – Проблема в том, что вместо сигарет я налегла на еду. А разница... огромная. – И я судорожно сглотнула.

– То-то я смотрю, выглядишь колоссально, – рассмеялся Кэмерон. – Теперь понятно почему.

Глаз Мака медленно просканировал меня с ног до головы:

– Похоже, раньше вы были чересчур костлявы. Грубая лесть, но на душе потеплело. Я рассмеялась:

– Вы просто расцветили мою жизнь радужными красками.

Эх, видел бы он, как я выглядела на самом деле – в те дни, когда по праву слыла неотразимой. Но нельзя же ни с того ни с сего сорваться со стула и притащить в кухню альбом с семейными фотографиями. Нужен повод проделать все это к месту, между прочим... вот только какой?

Кэмерон удрученно вздохнул:

– Если бы моя дочь прибавила немного... хоть немного... совсем разум потеряла со своими бесконечными диетами.

– Типун тебе на язык! Мишель удар хватит, случись ей набрать вес.

– На прошлой неделе ее приглашали на вечеринку. Так она в последний момент отказалась идти. Наотрез. Она, видите ли, поправилась до сорока восьми килограмм и не смеет показаться на людях в таком виде.

Меня пробрала холодная дрожь.

– А какого она роста?

– Почти метр восемьдесят.

Мы с Кэмероном погрузились в тоскливое молчание – каждый о своем.

Мак достал пачку “Кэмел” и щелкнул зажигалкой, и не подумав попросить разрешения. Сегодня же запишу в ежедневнике – срочно купить таблички “Здесь не курят!”. Увешаю ими весь дом.

София ловко подсунула гостю давно стосковавшуюся по делу пепельницу. Дразнящий никотиновый аромат мигом добрался до моих ноздрей, и я затряслась, заглатывая его в полную силу легких.

– А по-моему, женщина должна быть в теле. – Мак щурил глаз в клубах дыма.

– Жаль, что все остальное человечество не разделяет вашего убеждения.

– А вас заботит мнение человечества?

– Заботит. – Беседа принимала не самый приятный оборот. Я торопливо свернула на другую тему: – А как вы познакомились с Кэмероном?

– Вам любопытно, почему он никогда прежде не рассказывал обо мне? – усмехнулся Мак. – Когда-то мы вместе работали.

– Так вы журналист?

– Репортер уголовной хроники из “Феникс дейли”.

– А-а...

Отец мне плешь проел, требуя держаться подальше от репортеров-криминальщиков. В любом деле есть свои маньяки, и на журналистском небосклоне ярчайшие звезды – как раз уголовщики. Только самые забубенные, предупреждал отец, лезут в это дело. Бывшие автогонщики. Парашютисты. А еще альпинисты и горнолыжники. Словом, те, кому на жизнь

наплевать. От таких людей буквально разит саморазрушением, и нормальному человеку – на этом отец особо настаивал – не следует дышать столь нездоровой атмосферой. Разумеется, если вы не из тех, кому нравятся маньяки.

– А как вы оказались в Чикаго?

– В прошлом месяце умер мой друг, – спокойно ответил Мак.

– Мне очень жаль.

– Мне тоже. Прекрасный был человек, лучший в мире. Я приехал на похороны. И буквально на следующий день вступил в небольшое единоборство с грузовиком, а в итоге – больничная койка. Только вчера вырвался.

Кэмерон словно невзначай закинул руку на спинку моего стула и незаметно стиснул мое плечо. Сомневаться в значении этого жеста не приходилось: надо заткнуться и отстать от человека. Так я и сделала. Но белые пятна в скупом жизнеописании Мака все-таки будоражили. Завтра же позвоню Кэмерону и вытрясу из него правду.

Между тем гости собрались уходить. Я предложила подбросить их домой, и Кэмерону, при всей его стойкости, не хватило духу отвергнуть мою помощь. Даже садист не обрек бы сейчас Мака на долгий пеший путь.

Высадив гостей, я воткнула в автомагнитолу кассету с джазовыми импровизациями Оскара Брауна и на полную врубила громкость.

Беззастенчивые комплименты Кэмерона и Мака вознесли мой упавший дух на небывалые высоты. Если им можно верить хотя бы на одну десятую, я вовсе не такое уж безобразное чудовище. В душе расцветала надежда. Утром начну пить таблетки для похудения. Они поддержат мою ослабшую волю, и тогда занятия в “Заслоне” начнут наконец-то давать результаты.

Колеса “мерседеса” зашуршали по гравию подъездной дорожки не раньше полуночи. Ко сну я отошла в атласном пеньюаре, который так нравился Фрэнклину, – в самом обольстительном, с прозрачными кружевами на груди. В последнее время Фрэнклин не выказывал по отношению ко мне ни малейшего пыла. И разве можно его винить в этом? Особенно если вспомнить, в каких растянутых линялых футболках я укладывалась на супружеское ложе.

Стерев пыль с флакона “Опиума”, я надушила запястья и ложбинку между грудями. Наверное, совсем несложно стать сексуальной – достаточно научиться чувствовать себя таковой и держаться соответственно.

Я вспомнила Кэтлин. Вольная грива душистых волос, дымка фантазийных драпировок – она прямо-таки излучала чувственность. А ведь Кэтлин черт знает насколько толще меня. Причем с того дня, как я записалась в “Заслон”, она сбросила раза в два больше, чем я набрала. Какой же она была раньше?

Вообще-то давно пора перенять ее истовое рвение в диете. Хотя взяться за ум никогда не поздно. Приободренная, я окропила бедра и соски ароматом восточной неги, погасила свет и раскинулась на постели в ожидании.

Фрэнклин в спальню не поднялся. Скрипнула дверь кабинета, пискнула диванная кожа. Моя вина. Не слишком-то много приятных минут я доставила ему за последние два месяца. Да и работы у него сейчас по горло. Но я сдержала желание отправиться к нему в кабинет, мне просто нельзя спускаться на первый этаж. Уж очень опасно: там кухня, от которой лучше держаться подальше, пока не верну контроль над собственным желудком. Снова. И навсегда.

* * *

Я так сжала ручку дверцы, что побелели костяшки пальцев. Левая нога до судорог давила туда, где находились бы тормоза, сиди я за рулем. Рикки чересчур резко бросила машину в поворот, рискованно подрезала многоколесную платформу и довела до истерики

ее водилу, пока с черепашьей скоростью перестраивалась в левый ряд. Дальше – больше. Так и не завершив маневр, она ударила по тормозам, машина завизжала шинами, пропуская встречную, едва различимую на горизонте.

Кой черт меня дернул пустить ее за руль? Мы с Сарой-Джейн настолько изучили дорогу до торгового центра, что четко укладывались в семь с половиной минут, от двери до двери. Движение по знакомому маршруту больше напоминало полет управляемого реактивного снаряда – мы просвистывали по узким переулкам, ювелирно вписываясь в повороты, поддавали газу, завидев вдали желтый светофор, чтобы успеть проскочить перекресток, и совершали финальный бросок через разбитую грунтовку на ста километрах в час.

Рикки неуклюже развернула наш необъятный "Понтиак" и вползла на магазинную парковку.

Учитывая ее скромный водительский опыт, мы накинули на дорогу лишних четверть часа, но все равно умудрились опоздать к открытию на целых десять минут. Если бы вела я, мы давно уже покончили бы с доброй половиной покупок и здорово на этом выгадали. Но дочь налюбоваться не могла на свеженькие водительские права, да и мне как-то лень было спорить. Когда угодно, только не сейчас! Не в это восхитительное субботнее утро, когда я вхожу под своды любимого магазина – впервые с тех пор, как умерла Сара-Джейн, а сама я бросила курить и растолстела.

Рикки наконец втиснулась между линиями разметки, со скрежетом затормозила у самого бордюра, заглушила двигатель и лихо выдернула ключ из зажигания. Автогонщица.

– Приехали! – победоносно провозгласила она. – Теперь можешь дышать.

Что я и сделала.

Рикки и Джейсон, толкаясь и пересмеиваясь, помчались к помпезному строению из мрамора и стекла. Я поплелась следом – сгорбившись, втянув голову в плечи, силясь стать поменьше и понезаметней. Квазимодо, враскоряку крадущийся под темными сводами собора... Только бы не встретить старых знакомых – не переживу насмешливых, притворно-сочувственных взглядов.

Я мечтала оттянуть "выход в свет" до того момента, когда стрелка весов замрет на прежней отметке. Никакая сила не выгнала бы меня в торговый центр в нынешнем моем обличье, если бы не летний лагерь. Этим кровопийцам срочно понадобилась одежда для активного отдыха.

Пока мы добирались, в секции "Одежда для летнего лагеря" воцарилось форменное столпотворение. Здесь явно была замешана чья-то дьявольская воля – детские лагеря по всей стране, видимо, специально рассылали списки необходимого с таким расчетом, чтобы все поголовно школьники нашего округа получили их в один и тот же день.

Я затравленно оглядела толпу. Слава богу, пронесло, ни одного знакомого лица. Покупатели бесцеремонно орудовали локтями, прокладывая себе путь в тесных проходах, набрасывались на прилавки, прогибающиеся под грудами товаров. Самые закаленные в боях мамаши сразу оккупировали примерочные кабинки, поторапливая своих чад и подавая им одну новую тряпку за другой.

Наш черед настал неожиданно быстро – благодаря одной предприимчивой мамаше. Сначала она препиралась с дочерью, отстаивавшей свое право на самостоятельный выбор, а потом просто-напросто велела ей запереть дверь изнутри и выбраться на охоту за тряпьем через широкий просвет внизу кабинки.

Джейсон, изнуренный пятиминутным ожиданием, метнулся к опустевшему загону и в тот самый миг, когда девчонка выползла из кабинки с одной стороны, проскользнул внутрь с другой.

– Джес-с-си! – яростно зашипела Рикки. – Сейчас не наша очередь!

– Уже наша, – спокойно ответил мой сын, сбросив кроссовки и торопливо стягивая джинсы. – Сильный всегда прав. Давай барахло, я примерю.

– Ма-ам, да сделай ты что-нибудь!

– Чей это мальчишка? – отозвалась я. – Никогда прежде его не видела, но мне нравится ход его мыслей.

И я передала сообщнику ворох маек и штанов. Все это Джейсон живо развесил по верху кабинки, чтобы окончательно застолбить права на завоеванную территорию. Что ж, об этом ребенке можно не тревожиться – не пропадет.

– Понадоблюсь – зови. Пойду еще покопаюсь на прилавках.

Пока мне везло: знакомые не попадались. Я ввинтилась в самую гущу рукопашной схватки, захваченная ритуальным безумием распродажи. Во всю длину прилавков разливалось море запаянных пакетов с одеждой, подобранной по размерам, – крохотные вещички с одного конца и громадные балахоны с другого подпирали золотую середину среднестатистических параметров.

Места не хватало, футболки и рубашки сыпались на пол, загнанные продавцы выуживали их из-под ног. Покупатели с треском вскрывали пластиковые мешки и перетряхивали содержимое. Если оно их удовлетворяло, продавцы подавали им то же самое, но в герметичной упаковке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.